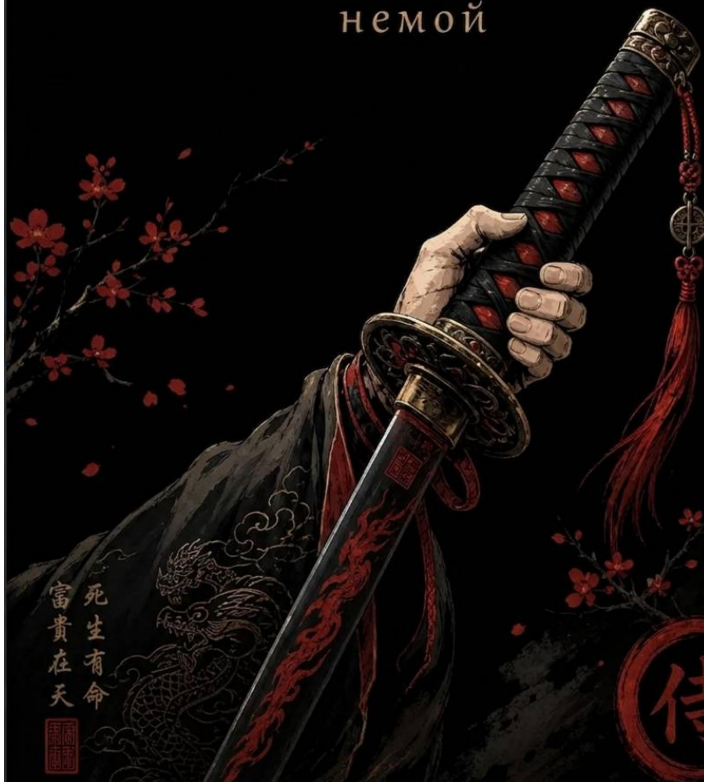

武士道

Ханнин

немой

死生有命
富貴在天

侍

немой немой

Ханнин

<https://litres.ru/74425763>

SelfPub; 2026

Аннотация

В опустевшем Токио профессиональная воровка Рэйка обнаруживает нечто гораздо более опасное, чем планировала украсть. Таинственное приложение с детской каруселью на иконке ведёт её через череду смертельных игр, где загадки переплетаются с древними легендами. Вместе с другими выжившими Рэйка пытается разгадать природу происходящего, но чем дальше, тем яснее становится: не все доживут до финала.

Это история о выживании в мире, где реальность искажена до неузнаваемости, о доверии к незнакомцам в безвыходной ситуации и о том, как далеко человек готов зайти ради спасения собственной жизни, а грань между реальностью и кошмаром стирается окончательно.

Атмосферное повествование в духе «Канашибари» и сериалов «Алиса в Пограничье» и «Игра в кальмара» держит в напряжении от первой до последней страницы.

Содержание

Глава 1.Город-сад среди бетона.	4
Глава 2.Старик, любивший загадки.	14
Глава 3.Веер, прикрывающий часть лица, не может спрятать екая.	26
Глава 4.В чайной церемонии появляется новая чаша, а на татами появляется еще один дзабутон.	39
Глава 5.Пустой рукав кимоно воина хранит память о коварстве.	59
Глава 6. Шепот ветра в бамбуковой роще, где бродят духи павших воинов.	69
Глава 7.Кимоно без хозяина, лежащее на татами, хранит молчаливое свидетельство о трагедии.	88
Конец ознакомительного фрагмента.	110

немой Ханнин

Глава 1. Город-сад среди бетона.

Залог успеха первоклассного вора заключался в двух вещах: безупречном внешнем виде и точно рассчитанном времени. И если на счет первого Рэйка была абсолютно спокойна, то со вторым наметились небольшие проблемы.

Госпожа Мицусава вышла в коридор ровно две минуты назад – в 15:06, и наверняка уже направилась в гостиную, чтобы вытащить из тайника те самые исторические документы «Железного когтя». Документы, к слову, Рэйке были не нужны. Ей нужна обтянутая красным бархатом небольшая шкатулка с сияющим и острым лезвием внутри, способное спустя века резать сталь, как масло. И для того, чтобы этот драгоценный кейс оказался в ее сумке, а она сама – за пределами этой квартиры, нужно действовать быстро и решительно.

Время – важный фактор. Необходимо выждать идеальный момент, когда госпожа Мицусава, склонившись над старинным комодом, будет увлечена поисками пожелтевших документов, и ускользнуть, когда старушка окажется в двадцати шагах от двери.

Уже снаружи ей предстояло вырваться на многолюдную центральную улицу, где сотни японцев, поглощенные своими заботами, спешили по делам. Там, в этой бурлящей человеческой реке, невзрачная полная блондинка в строгом деловом костюме сможет раствориться, став одной из многих, и тогда Рэйка победит.

Часть вырученных денег от продажи кайкэна она отложит на «черный день» – мало ли, куда могла занести судьба. Остальное – билеты в один конец, в страну солнца и пальм, где лазурные волны плескались о белоснежный песок. Ей предстоял целый месяц беззаботного счастья, без погонь и риска. Эта теплая мечта окутала ее, на мгновение заставив прикрыть глаза и глубоко вдохнуть.

«Еще немного, – Рэйка беззвучно повторила собственное заклинание, выручавшее ее многие годы. – Еще чуть-чуть».

Она прислушалась к давящей гробовой тишине, нарушаемой лишь тихим тиканьем старинных часов в гостиной. Время тянулось мучительно медленно.

Шарканье трости растворилось в гулкой тишине коридоров. Рэйка вздрогнула, поймав себя на мечтаниях о золотом песке и ласковом прибое. Взгляд метнулся к часам – 15:09. Мицусава-сан не появлялась вот уже три минуты, и Рэйка решила, что настал идеальный момент, чтобы проскользнуть в закрытое окно кабинета и спуститься по ржавой пожарной лестнице. Напоследок девушка подошла к открытой двери и, не высовывая головы в коридор, прислушалась. Ни звука.

Сбросив с плеч пиджак, она сняла спрятанный под ним небольшую спортивную сумку, каких немало можно было увидеть в школьных раздевалках. В ней с легкостью помещались кроссовки, спортивный костюм, бутылка воды или обшитая бархатом шкатулка.

Застегнув сумку, Рэйка одним движением закинула ношу за спину и накинула сверху пиджак, пытаясь скрыть содержимое.

Белые оконные рамы поднимались вверх, поэтому девушка с легкостью распахнула окно и перебралась на пожарную лестницу. Оттуда быстро спустилась по шатким ступеням и, бросив прощальный взгляд в комнату пожилой женщины, исчезла в лабиринте зданий.

Кирпичные стены возвышались не долго – всего в нескольких метрах была видна главная улица, но не было ни единой снующей между домами души. Не слышно и гула автомобилей. В городе стояла идеальная тишина.

Выйдя на главную улицу, тело сковало ледяным оцепенением. Рэйка остановилась, перестала дышать. Там, где обычно клочкотал неумолчный поток токийской толпы, теперь простиралась пугающая пустота. Ни вибрирующего гула голосов, ни суетливого мелькания теней, ни привычной, раздражающей толкотни – ничего. Лишь безжизненная лента асфальта, рассеченная бледными шрамами разметки, уходила вдаль.

Медленно оглядываясь, девушка отчаянно пыталась ухва-

титься хоть за какую-нибудь нить, зацепиться за повседневность. Она судорожно искала глазами аварию, способную остановить поток жизни; полицейские машины, оцепивших квартал в безумной погоне за преступником; яркие отблески видеокамер, снимающих фильм; или, на худой конец, безумного фанатика, грозящегося взорвать улицу. Точно! Возможно, всех эвакуировали, спасая от чего-то непостижимо ужасного. Война? Перестрелка? Но почему же тогда не слышно ни воя сирен, ни тревожных оповещений?

Она сделала неуверенный шаг вперед, затем еще один. Каждый шаг отзывался приглушенным эхом в оглушающей тишине. Рэйка чувствовала себя экспонатом в музее пережившего апокалипсис мира, безвольной жертвой зловещего *mise-en-scène*, разыгранного безумным режиссером.

Внезапно тишину пререзала резкая, писклявая мелодия, доносящаяся из телефона. Достав его из кармана дрожащей рукой, Рэйка ввела пароль. На дисплее передавала зловещий привет странная иконка приложения, которое она точно не устанавливала – изображение детской карусели с лошадками на неестественно-ярком, болезненно-желтом фоне. Подписи не было.

Стоило ей коснуться иконки, как телефон вновь противно пискнул, и на экране загрузки возникло зловещее послание: *«Игра начнется через час».*

Надпись пропульсировала трижды и сменилась картой с обозначенными красными точками. Среди них настойчиво

маячил улыбающийся желтый смайлик, подписанный как «местоположение». Меток с изображением карусели насчитывалось четыре, и все они находились в непосредственной близости района. Уменьшив масштаб карты, Рэйка увидела и другие детские карусели, но улыбающийся смайлик был от них далек.

Пройдя несколько домов, она окончательно убедилась в своем одиночестве. Десять минут не принесли ей ни единой души: ни прохожих, ни машин, ни бродячих животных. Даже на небе не мелькнула ни одна птица.

И стоило этой мысли посетить голову, как впереди показалась высокая, крепкая фигура в красной клетчатой рубашке. Парень, не оглядываясь, шел вперед, лишь изредка бросая взгляд на карту в телефоне. Стоило ему завернуть за угол, как Рэйка ускорила, боясь потерять его из виду.

На небольшой улочке все внимание привлекла дверь с неоновой подсветкой карусели, и пока Рэйка разглядывала ее из далека, парень оглянулся. Он был едва ли старше нее и имел чистую белоснежную, почти фарфоровую кожу, усыпанную веснушками и очками, надетыми на большие круглые глаза. Его волнистые волосы, окрашенные в шоколадный цвет, отбрасывали рыжеватый оттенок на солнце.

— Желаете войти первой? — парень указал рукой на дверь и снова улыбнулся. — Не думаю, что в играх важен порядок, но, если хотите первой увидеть игроков, то можете проходить.

У Рэйки была одна слабость, в которой она могла признаться: девушка была до безумия влюбчива в парней, сочетавших миловидную внешность с перспективой увесистого кошелька. Стоило ей увидеть красавца в радиусе одного бу, как разум отключался, уступая место неудержимому желанию вывернуться наизнанку, лишь бы привлечь его внимание и произвести впечатление. Не обязательно хорошее.

— Желаю и войду, — промурлыкала она, равняясь с ним. — Жаль, что лишусь прекрасного вида перед собой.

Рэйке всегда нравилось завивать волосы плойкой и красить губы самой яркой красной помадой. На мужчин это производило незабываемое впечатление, но вот незнакомец, раскрасневшись, отступил назад, пропуская ее.

Уже у порога девушка немного помедлила, заметив, что к неоновой карусели не вели никакие провода.

Внутри ее встретили голубые стены с мультяшными рисунками подводных жителей: акул, черепах, рыбок Немо, креветки и моллюски. В комнате уже было пять человек: три мужчины и две женщины, окруживших большой круглый стол, где стояла музыкальная шкатулка карусели с белоснежными лошадками. Люди удосужились одарить пришедших коротким взглядом и снова вернулись к рассмотрению шкатулки со скучающим видом.

— Может, среди нас есть новенькие? — спросил парень в толстовке с изображением черепа, стоявший напротив входа. — Или кто-нибудь что-нибудь вспомнил?

В зале повисла тишина, нарушаемая лишь тихим шелестом дыхания. Все взгляды, полные робкой надежды, обратились к незнакомцу. Затем этот же трепетный хоровод глаз переместился на Рэйку. Она едва качнула головой, словно отгоняя назойливую муху. Сейчас, когда внимание — яд, выделяться было хуже любой кары.

— Эх, — протянул самый молодой парень в огромных круглых очках, которые смотрелись на нем так нелепо и старомодно, что Рэйке приходилось сдерживать смех. — Может с игрой повезет? Не люблю сюжеты, где нужно найти выход. Там каждый раз попадается подвох.

— Загадки, — протянула невысокая девушка, уткнувшись в экран телефона. — Кто-нибудь знает какие-либо легенды, связанные с загадками? Нам нужно их разгадать или загадать? — Она убрала телефон в сумку в виде кролика, висевшей у нее через плечо. — Я не люблю загадки.

Девушка, стоявшая по левую сторону от нее, незаметно улыбнулась и, боясь, что кто-нибудь еще заметит ее усмешку, поспешила прикрыть рот ладонью. Оставался еще один парень в комнате, не издавшим ни звука — невысокий, коренастый с прямыми черными волосами, закрывающими глаза. Он стоял, прижавшись к углу комнаты, стараясь до последнего казаться незамеченным.

Рэйка изо всех сил старалась сосредоточиться на разговоре, но взгляд продолжал буравить незнакомца, встретившегося на улице. Он неспешно обогнул стол и, остановившись

между парнем с черепом на футболке и девушкой с детской сумочкой, медленно поднял голову и улыбнулся.

Дверь распахнулась, обдав Рэйку пронизывающим холодом. В комнату вихрем ворвалась невысокая девушка с копной растрепанных вороньих волос. Ее рваные джинсы были покрыты запекшейся грязью и багровыми пятнами, а черная толстовка, расстегнутая на металлической молнии, небрежно сползла с плеч, обнажая острые кости.

— Успела? — На выдохе спросила она, вставая рядом с Рэйкой. — Представляете, я проснулась полчаса назад, guys. Десять минут я расстраивалась из-за того, что вообще проснулась, а потом еще пять настраивала себя на выбор игры. Вот, почему ты не выбрала «Футон»?

Рэйка не сразу осознала, что вопрос направлен именно к ней. В горле заклокотало нечто среднее между испуганным вскриком и истерическим смехом. Ей хотелось отшатнуться от этой неряшливой девушки, взвизгнуть, что какие-то полчаса назад она впервые вступила на безлюдные улицы Токио. Казалось, все эти люди хранили тайны этого места под кожей, но тревога сковывала язык, не позволяя расспрашивать. А вдруг, весь этот спектакль — лишь декорации, возведенные специально для нее? Тогда уж лучше притвориться частью этого абсурда и играть по общепринятым правилам.

— Я люблю загадки, госпожа, — пропела девушка, чуть наклоняя голову к плечу, чтобы ее натянутая улыбка явно показалась неряшливой незнакомке сарказмом. Но на это

она получила неожиданный удар кулаком в плечо.

— Эй! Не называй меня госпожой.

— Скорее всего «Футон» будет основываться на легенде о матери, чьи кости были спрятаны под футон, — сказал тот самый прекрасный незнакомец из тех, что попадались Рэйке за всю ее жизнь. — Нам бы пришлось искать останки матери, вскрывая весь дом, либо искать убийцу. В любом случае выжить удалось бы не всем. Загадки звучат интереснее.

Выжить?

Хрупкие замки мыслей разрушила какофония музыкальной шкатулки, закружившейся по часовой стрелке. Проснувшиеся ото сна миниатюрные лошадки подпрыгивали вверх на механизме, издавая противный металлический призыв. В едином порыве все присутствующие извлекли из своих карманов телефоны. В воздухе повисло напряжение, густое и липкое, как патока молчания перед казнью. На главном экране отсчитывал счет таймер.

— Время вышло, — констатировал красивый незнакомец. — Теперь, давайте сделаем ставку. Нажмите на правый нижний угол и выставите цену. Минимальная ставка – двадцать монет.

Рэйка сделала все так, как говорил парень, отметив про себя, что объяснял он все четко и медленно. В ее банке оказалось всего двадцать монет, а значит, что играла она на все. Ва-банк.

Едва подняв взгляд, она обожглась о его глаза. Незнако-

мец, хоть и был красивым, но слишком уж непозволительно долго и пристально смотрел на девушку.

— Выберите ставку, — повторил он.

Палец Рэйки стал последним коснувшимся кнопки «Ставка», и бездушные цифры заполнили пустоту поля.

В тот же миг из шкатулки вырвался конверт, запечатанный сургучом. Парень в бесформенной толстовки перехватил конверт и вскрыл его, ломая печать.

«Правила игры: для каждого игрока подготовлена локация. Участникам необходимо найти целлулоидную куклу и сжечь ее на костре во дворе».

Он быстро прочитал содержимое письма, а затем небрежно бросил его на стол, поднимая голову, пытаясь найти хоть какое-то объяснение в лицах других игроков.

— Вот попали, — простонала девушка, сжимая в руках ремешок от сумки.

— Либо найти выход и разгадать загадки, — как из самой преисподней буркнула неопрятная девица, чье лицо казалось вылепленным из глины и опаленным досадой. — Эй, очкарик, — она указала пальцем на того незнакомца, что все еще казался Рэйке самым красивым. — Ты у нас вроде как smart. Очки врать не будут! Будешь мозгом в моей команде. Я буду ногами, — и подмигнула Рэйке, — буду самой первой, кто убежит, — и, залившись смехом, развернулась и исчезла за дверью. Той самой, в которую они все ввосьмером вошли.

Глава 2.Старик, любивший загадки.

Рэйка стала одной из последних, кто вошел в комнату, и тут же очутилась в сумрачном лесу. Узкая тропинка вилась между величественных елей, приглашая за собой вглубь чащи. Вскоре деревья расступились, открывая поляну, в самом сердце которой, в окружении восьми домов минка горел небольшой костер.

Обернувшись, девушка с тревогой отметила, что дверь, через которую они вошли, исчезла. Растворилась.

Все покорно двинулись к домикам. Девушка с детской сумочкой не оставила попыток оглянуться в поисках помощи, поэтому с каждым шагом она вытягивала шею и щурила глаза в надежде найти того, кто сможет сопровождать ее на игре.

Опоздавшая раннее девушка излучала уверенность, несмотря на отсутствие стали в глазах.

Рэйка же осталась на месте, провожая взглядом семейных людей к домикам. Ей и самой не терпелось заглянуть внутрь странных жилищ, найти куклу и потребовать объяснений. Декорации – ночной лес, пустой Токио, минка, освещенные колеблющимся пламенем костра, – вызывали мимолетный восторг, тут же сменяясь жаждой свободы. Сейчас Рэйка грезилась о другом: о теплой морской воде, ласкающей

кожу, о прохладных алкогольных коктейлях, а не об утомительном квесте. В отпуск, на этой неделе, во чтобы-то ни стало!

В домики потянулись незнакомцы. Первым исчез в полумраке парень с черными волосами, чьего лица Рэйка так и не разглядела. Следом скользнул юноша в толстовке, за ним – парень в очках. Потом две девушки: с детской сумочкой и странноватая.

У входа в свой минка Рэйка остановилась, заметив, что самый прекрасный парень из всех прекрасных парней замер и внимательно осматривал вход: деревянное ведро валялось у порога; лопата, тяпка и совок были аккуратно расставлены у стены. Вещи у домов игроков отличались – у парня в толстовке рядом стоял только фонарь, а у девчонки с сумкой стояла корзина с овощами. У Рэйки стоял черенок от лопаты или граблей. Вряд ли это значило хоть что-то, но парень сел на корточки и что-то очень долго разглядывал у входа. Хмыкнув, Рэйка открыла дверь и стала седьмой, кто вошел в дом и оказался в теплоте.

Разувшись возле ступеньки гэнкан, Рэйка нерешительно вошла в самую комнату. В центре стоял столик с андоном, подсвечивая комнату в тусклый противный желтый свет. Больше в комнате ничего не было. Ни одеял, ни свитков с рисунками, ни жильцов.

Она приблизилась к столику, и кончиками пальцев ощутила шершавую прохладу дерева. Андон робко источал мас-

лянистый аромат, сплетаясь с запахом старой бумаги. На натянутом пергаменте застыло имя – Идзанами, богини творения и смерти.

— Госпожа, — Рэйка дернулась, услышав тихий старческий голос. В тени комнаты она увидела старика, державшего в руках коричневый дзабутон. Сам он был не менее удивленным – его маленькие черные глазки расширились и в недрах зрачков был виден свет андона. — Что вы забыли в таком забытом месте?

Оглушенный неожиданным визитом старик держался настороже. Рэйку поразил его актерский талант — не каждый дряхлый старик согласится разыграть обычного воришку и подпишет на сомнительную авантюру с квестом. Интересно, а он вообще знает слово «квест»? Или за участие предлагали щедрый гонорар?

— Я потерялась, дядюшка, — Рэйка вновь улыбнулась так доброжелательно, как репетировала перед зеркалом на протяжении месяца, чтобы влиться в доверие к госпоже Мицусавы. — Пожалуйста, подскажите, где выход.

Старик опустил дзабутон на татами и похлопал себя по выцветшим хлопковым штанам. Усевшись на пол, он принялся разглядывать девушку своими жуткими стеклянными глазами. Рэйка невольно нахмурилась – в полумраке комнаты старик казался воплощением безумия. Едва она снова попыталась натянуть на лицо приветливую улыбку, надеясь вернуть диалог в нужное русло, старик жадно облизнул су-

хие губы.

— Сейчас, сейчас, — пробормотал он и, словно юркий зверек, исчез за расписной ширмой. Оттуда донеслись приглушенные хлопки и скрежет, будто старик вслепую сражался со всем домашним сумасшествием. Спустя минуту и двадцать три «сейчас», он вновь предстал перед Рэйкой, держа в руках деревянные миски и палочки. Поставив их на стол, старик забормотал что-то невнятное, с такой стариковской картавостью, что девушке не удалось разобрать ни слова. Но увидеть, чем наполнены миски, оказалось куда приятнее. В одной дымился ароматный мисо-суп, а в другой – рассыпчатый, теплый рис. От одного запаха предательски скрутило живот – за весь день Рэйка успела лишь выпить чай с печеньем перед выходом из дома. — Вот, угощайся, — старик поставил на стол и небольшую чашку зеленого чая, после чего сел на дзабутон. — Но с уговором: загадай мне загадку.

Рука зависла над столом так и не коснувшись палочек. Рэйка медленно подняла глаза, понимая, что загадывать загадки должен не старик, а она. Такая новость не могла не радовать, и девушка вновь улыбнулась, но теперь ехидно. Такие правила ей были по нраву – выиграть игру оказалось куда легче, чем она думала.

— Как вам угодно, господин, — девушка взяла палочки и аккуратно подловила ими рис. — Пройдет первый месяц, кончится весна. Он сбрасывает багровое кимоно и на лысую голову надевает тарелку. Что это?

С улыбкой победителя отправив рис в рот, она с любопытством принялась разглядывать старика. Лишь в эти мгновения, когда он искал ответ в пустоте, его безумие отступало, делая его обычным человеком.

Рис во рту был сладок. Он таял, рассыпаясь на крупинки. На языке оставалось едва уловимое ощущение тепла, напоминавшее о недавнем приготовлении. Рэйка любила только что приготовленную еду, а ту, что лежала в холодильнике более часа – есть уже не могла. Она казалась испорченной, не вкусной, не съедобной, поэтому, в Токио, девушка обедала и ужинала исключительно в кафе или ресторанах, и этот первый кусочек риса был обещанием сытости, комфорта и маленького праздника для желудка.

— Это мак! — вскрикнул старик. Рэйка вздрогнула, уронив зернышко на стол. — Хорошо, хорошо, — засмеялся он, хлопая в ладоши. — Давай еще одну!

— Мертвая, но глаза открыты.

Рэйка неторопливо поднесла палочки со скользким рисом ко рту, но ожидаемой сладости не ощутила. Вкус был мертв. Во рту осталась лишь горькая труха, напоминавшая бездушную кашу из круглосуточного супермаркета, упакованную в безликий пластик.

— Рыба!

Она снова доброжелательно улыбнулась и опустила взгляд на рис. Перебирая палочками, она копалась в зернышках, пока не увидела маленьких молочных личинок. Растерявшись,

девушка подняла голову и посмотрела на безумного старика, открывший широко беззубый рот.

— Пока не ударишь по голове — не слушается.

Старик беззвучно сомкнул губы и, задумавшись, устремил взгляд на бревенчатый потолок. Пока он обдумывал ответ, Рэйка обернулась — некогда опрятный дом превратился в царство паутины, где сновали пауки, размером с детскую ладонь. Не теряя времени, пока старик искал ответ, девушка поднялась и направилась к пауку. С каждым шагом она отчаянно убеждала себя, что зловещая атмосфера — лишь результат мрачной обстановки, затхлого запаха и угнетающей полутьмы. Если паутину и декорации еще можно расставить, пока старик думал или отвечал, то вкус риса объяснить ей не удалось.

Паук оставался неподвижным. Рэйка наклонилась и едва коснулась липкой паутины, как вдруг паук шелохнулся и поднял голову с человеческим лицом. Они оба замерли на грани соприкосновения. Неземные кукольные глаза поблескивали в тусклом свете андона. Внезапно, раскрыв рот, паук издал пронзительный писк, и девушке пришлось заткнуть уши руками, отойти на несколько шагов назад, чтобы вопль прекратился.

— Гвоздь! — крикнул старик, и широко улыбнулся.

Рэйка отступила назад, попятилась к выходу. Хотелось сбежать, скрыться в густой лесной чаще, спрятаться так хорошо, как она это умела. Потерять осколки самообладания

не позволяла лишь терпкое желание выбраться на волю, приставить нож к горлу любого незнакомца, и потребовать от-
веты.

— Хочу еще загадок, — старик растягивал слоги и рас-
крывал так широко рот на гласных, что там с легкостью мог-
ло поместиться два кулака. — Еще! Еще! — командовал он
нечеловеческим голосом. — Еще! Еще!

Между ними расстояние можно было измерить шестью
шагами, но, вытянув руки, старик едва коснулся плеч Рэйки,
когда она крикнула:

— Танцует в поле с красным платочком!

Старик замер. Его длиннющие руки опустились на пол,
как тряпки или подол Императорского кимоно.

— Земляника! Хочу! Еще!

За окном послышался вой. Кто-то, широко открыв дверь,
выбежал наружу и громко кричал:

— Я так больше не могу! Хватит! Я не знаю больше зага-
док! — вопил женский голос.

— Прячься в тени иль при свете дня: время придет – ты
встретишь меня. Я уловлю малейший вдох, тебя обхитрю,
застану врасплох.

Рэйка поняла – это шанс выбраться наружу. Старик, по-
груженный в загадки, застывал в раздумьях, тем самым да-
вая ей драгоценные минуты для маневра. И вот, когда кост-
лявые, как ветви старой ивы, руки коснулись ее ступней,
Рэйка стрелой сорвалась с места. Она выбежала наружу в тот

самый миг, когда из темного минка напротив вылетели чужие длинные руки и обвили хрупкую фигурку девчушки с детской сумочкой.

— Я больше не буду загадывать загадки! — взревела девушка, и руки, тянувшиеся за ней, с силой сжались. Из носа и рта потекла кровь. Глаза выкатились наружу и приобрели необычайно странный красный цвет. Руки безвольно повисли.

Чужие руки, так и не отпустив ее, потянули тело обратно в дом.

Это не выглядело, как декорация. Это было взаправду.

Из дома по правую сторону выбежал незнакомец в очках и девушка, пришедшая на игру позже всех. Увидев кровавую дорожку от мертвого тела, ведущую к одному из домов, парень подобрал с земли камень и подбросил вверх. Он медленно подошел к костру и бросил в огонь куклу. Огонь тут же вспыхнул, и Рэйке показалось, что из недр пламени она услышала детский крик, а парень в это время смотрел на кровавую дорожку и в его глазах читалось несоизмеримое сожаление.

— Нет времени расклеиваться, — фыркнула Рэйка, смотря то на парня, то на девушку. — Как отсюда выбраться?

Парень выпрямился и молча продолжил подкидывать камень вверх.

— Свою куклу я нашел под порогом, — не разворачиваясь признался он. — Найдите и сожгите своих. Время на исходе,

— парень развернулся и посмотрел сначала на Рэйку, а затем на девушку. Закончив их оценивать, он сам себе кивнул, а затем бросил камень незнакомке. — Где вход, там и выход.

— Смерть! — Крикнул позади старик.

Рэйка осознавала, что ей следовало вернуться в дом до того, как старик вытянет свои руки, похожие на канаты, обвяжет их вокруг шеи и затащит ее в дом. Она мигом вбежала в минка, закрыла дверь и прильнула спиной к двери. Теперь следовало загадать загадку, ответ на которую либо требовал долгого размышления, либо не существовал. Именно так она могла выиграть время.

— Следующая загадка, — она резко присела, ощупывая ладонями половицы в попытках найти куклу, но находила лишь занозы. — Что это за место?

— Это мой дом. Хочу еще загадок!

Рэйка выпрямилась и сквозь порванную бумагу, заменяющую окно заметила, как незнакомый парень стучал в каждый дом.

— Ответ не верный! Что это за место? — она обежала старика и принялась искать куклу во всех углах, уничтожая паутину.

— Это... твой дом?

— Ответ не верный.

— Бывшее олицетворение хаоса лицезрит собственную материю. Твоя разгромленная душа не может выглядеть, как цветочное поле. Это место — ты.

— Я не могу быть местом, и моя душа не может быть физическим воплощением минка и леса. Ответ неверный. Перефразирую: заброшенный Токио, детская шкатулка с играми, семь минка в лесу на каждого игрока. Что это?

Рэйка выпрямилась, пытаясь не замечать противную паутину на руках. Старик, склонив голову, высунул длинный язык, доставая им до груди.

— Игра.

— Что это? — не унималась девушка.

— Смерть — искупление для хаоса. Наказание требует справедливости. Справедливость — наказания. Смерть и есть справедливое наказание.

— Наказание за что?

Старик безумно улыбнулся.

— Это уже другая загадка. Мой ответ был верный?

— Верный. Следующая загадка — наказание за что требует смерти?

Пауки медленно двинулись к Рэйке, словно машинки на радиоуправлении. Теперь стало ясно — каждая загадка приближала ее к неизбежному. Сотни пауков с детскими лицами стали кружиться у ног девушки, выпуская паутину.

Она подняла голову к потолку, чтобы избавить себя от отвратительного зрелища, как вдруг, в полутьме она заметила на балке два голубых глаза. *Кукольных.*

— Жизнь за жизнь. Дар за Дар. Смерть за смерть. Душа за душу. Мучение за мучение.

Рэйка оттолкнулась от пола и, подпрыгнув, схватила куклу за голову.

— Ответ верный! Следующая загадка: как избежать смерти за смерть?

Пауки замерли — старик задумался. Рэйка, воспользовавшись возможностью, выбежала на улицу и бросила куклу в огонь. Незнакомец стоял у входа в собственный домик и с интересом посмотрел на девушку, когда она, поправив блондинистые волосы за уши, уставилась на него в ответ. Он, поправив оправу, повернул голову и посмотрел на балку над дверью. Там, на маленькой, гнилой дощечке были вырезаны иероглифы — выход, и в темноте и панике их нельзя было найти, если не знать, что искать.

Рэйка посмотрела на собственную крышу и увидела кусок иероглифов, спрятанных за глиной, а незнакомец вытянул ладонь, поочередно загибая пальцы.

— Не хочу входить, — прошептала Рэйка.

Когда все пальцы парня были загнуты, он кивнул и вошел в дом. Выдохнув, девушка открыла дверь и увидела, что сотни пауков теперь окружали старика, из-за скрипа они медленно перевели взгляд на нее. Рэйка прикрыла глаза и приложила руку к сердцу. Нужно сосчитать пять ударов, чтобы снова выйти на улицу, но эти секунды предательски тянулись настолько долго, что каждый шорох пауков и нервный вздох старика сбивали со счета. Ей нужно почувствовать всего пять ударов. Не больше и не меньше.

И в момент, когда она досчитала до пяти, старик широко распахнул глаза и крикнул:

— Я знаю!

А Рэйка, рывком открыв дверь, выбежала на улицу.

Глава 3. Веер, прикрывающий часть лица, не может спрятать екая.

Но оказалась в небольшой комнате с расписными стенами и столом со шкатулкой.

В комнате ее уже поджидало трое: незнакомец в очках, парень в толстовке и девушка с растрепанными волосами, державшая во рту догорающую сигарету. Она стояла, приклонившись к стене, а дым, горький и сизый, медленно расползался по затхлому воздуху.

— Есть ли смысл дожидаться остальных? — Спросила она, скидывая кончиком пальца пепел.

Парень, казавшийся Рэйке прекрасным, достал телефон из кармана и слегка дернул плечами.

— Выигрыш уже зачислен, — вздохнул он. — Из восьмерых нас выжило четверо.

Парень в толстовке застонал и опустил голову. Он ожидал, что выживших будет намного больше, а потому, чтобы не показывать никому досаду, он накинул на голову капюшон и первым вышел на улицу. Затушив сигарету о шкатулку, девушка стала следующей, кто покинул комнату.

Рэйка не могла заставить себя поднять голову и посмотреть на что-то кроме шкатулки. В голове все еще проскаки-

вали моменты смерти незнакомой ей девушки: такая быстра и ужасная, что она каждый раз вздрагивала. И, если бы парень не помог ей – девушки тут уже не было.

— Меня зовут Ямада Хидео, — парень вежливо поклонился и поправил скатившееся очки. — Я рад, что ты выжила.

— Хидео, — протянула имя девушка, на что парень резко поднял голову. — Миура Рэйка.

Хидео ничего не ответил, но кивнул головой. Собираясь выйти из комнаты, он на секунду остановился возле двери, и Рэйка, посчитав, что нужно расспросить парня об этом месте, проглотила все вопросы. Будучи из тех, кто искал ответы самостоятельно, она посчитала собственные вопросы неловкими и неправильными. Часть ее все еще верила в розыгрыш и постановку, потому ей не хотелось казаться забавной. Девушка посчитала, что нужно самой попытаться найти ответы. Благо, люди в пустом Токио все же были.

— Как мне поверить, что все это реальность? — единственный вопрос, который она смогла вытащить из себя.

— Все зависит от тебя самой. От того, как ты сама ко всему относишься.

Бродя в беспамятстве по безлюдным улицам, Токио уже не казался одиноким. Рэйка оставила попытки напрягать зрение, вытягивать шею и искать в пустых глазницах окон какое-либо движение. Здесь никого не было – даже Хидео испарился в воздухе, выйдя за порог комнаты.

Поролоновая накладка на животе предательски жала, голова гудела под тяжестью парика, а ноги ныли от свежих мозолей. Мучил и голод, тянувший желудок. Стоило мыслям о еде затуманить разум, как ей тут же вспоминались личинки в рисе, и Рэйка отчаянно пыталась переключиться: на погоду, животных или мечтами об отпуске.

Игра, в которую они сыграли, до безумия напоминала легенду о «Старике, любившем загадки» – те же минка, старик и заблудившийся путник, которому предстояло загадать загадки. Девушка смутно помнила финал истории, но явно она не заканчивалась жутко. Путник выживал. Старик в легенде не обращался в кошмарное существо с длинными руками, и не пытался его убить. Здесь крылся какой-то подвох и, чтобы его выяснить, требовалось сыграть как минимум еще две игры; поговорить с кем-нибудь, наладить контакт.

— Ай!

Споткнувшись, Рэйка рухнула на землю, и хруст сломанного каблука эхом отозвался в ночи. Сняв испорченную обувь, она с силой откинула их в сторону и прикрыла ладонями лицо – даже сейчас она не позволяла себе выйти из строя.

Девушка легла на продрогший асфальт, глядя в бездонное небо. Осколки звездных бриллиантов мерцали на черном небе. Чтобы наладить с кем-либо контакт нужно доверие, а Рэйка могла лишь искусно плести его иллюзию. Сколько еще она встретит таких же, как она – алчных, изъеденной

злостью, жестоких? Хидео.... Он был иным, искренне стремясь помочь каждому. Узнав ответ, он стоял на улице, заходя в дом только для того, чтобы загадать старику очередную загадку и выиграть время. Парень мог бы стать идеальным спутником по поискам выхода, разъедающее душу недоверие и маниакальная потребность держать все под контролем толкнули Рэйку к роковой черте. Она его потеряла. Отпустила. А он не стал сопротивляться.

— Проклятие!

Глаза зажгло от слез. Хотелось завывать, вцепиться зубами в асфальт и прогрызть себе путь в тот мир, где еще теплилась надежда на отпуск на островах. Но тихий разговор, донесшийся издалека, вырвал ее из омута отчаяния. Рэйка встала на четвереньки и вгляделась в темноту. Где-то там брели люди. Неважно: добрые или злые. У них должна быть еда! И хрупкий осколок безопасности.

Она поползла вдоль дороги, крадучись, как тень, а затем, выпрямившись, продолжила путь, стараясь держаться ближе к стенам домов.

Их было трое. Двое – худощавый парень и миниатюрная девушка, вышли из боковой улицы, тихо ругаясь. В руке парень сжимал бейсбольную биту, обмотанную красным скотчем, и на каждом шагу слегка подбрасывал ее. Девушка шла нарочито медленно, скрестив руки на груди. Ее волосы были заплетены в сотни мелких косичек, украшенных разноцветными лентами – желтыми, красными, синими, зелеными – и

собраны в высокий хвост. Несмотря на прохладную погоду, она была одета в короткие шорты и черный топ, обнажающий живот.

Дверь аптеки медленно отворилась, и луч керосиновой лампы пронзил темноту. В тусклом свете появился невысокий парень в черной толстовке. Он кутался в нее, словно в плед, а дрожащая лампа отбрасывала тени на его лицо.

— Почему так поздно? — парень опустил руку с лампой, и свет скрылся за его ногами. — Вы встретили Акиру?

Стоило ему произнести незнакомое для Рэйки имя, как девчонка с косичками громко хмыкнула, а парнишка, шедший впереди, оглянулся по сторонам.

— Проклятый Акира! — процедил он, развернувшись в девушке. — Где он, Юки?

— А я откуда знаю? Я разве нянькой нанималась?

Юки выхватила битую из рук парня и замахнулась ей, разрезая воздух по полам, но остановилась в паре сантиметров от лица мальчишки. Тот не шелохнулся — знал, что замах будет скорее предупреждающим. Это и взбесило Юки — ясность в глазах. Ясность в месте, где она была мечтой.

Разозлившись, она все же слегка хлопнула ударной части биты по его торсу и взмахнула косичками. Парень с лампой громко вздохнул — даже на незначительном расстоянии можно было разглядеть его нахмуренное выражение лица.

— Хэндо проломили череп, Хэйдзо вырвали глотку, а виновник Акира сбежал? — он опустил голову, а затем и сам

осел на прохладный асфальт. — Миоко разодрали в клочья, Адзуми сожрали змеи, а Акира простодушно наблюдал? Не верю.

— Они всегда так, — Рэйка резко обернулась, едва различимый шепот коснулся края ее уха. Рядом примостился парень в рваных джинсах и выцветшей черной майке. Черные волосы туго собраны на затылке в небрежный хвост, обнажая белоснежную шею. — Всегда во всем винят меня.

Акира выпрямил ноги и вытащил из кармана пачку Мальборо и зажигалку с вырезанными буквами: «М. Г».

Рэйка похлопала глазами — *хлоп-хлоп*, как затвор фотоаппарата, желающий запечатлеть момент или прогнать парня. Но Акира никуда не уходил: он потянулся, зевнул и засунул в рот сигарету. Эти движения были обычными, но в темноте пустого Токио для Рэйки эти движения казались неправильными, словно сам Акира давно свыкся с этим пустым фактом.

— Будешь? — он протянул открытую пачку сигарет, продолжая смотреть в темную улицу перед собой.

Капля пота прочертила медленный путь по лицу и застыла хрустальной росинкой на линии подбородка. В душном парике Рэйка задыхалась. Она, не отрываясь, смотрела на пачку и хлопала ресницами. *Хлоп-хлоп*.

— Ты не куришь? Спортсменка что ли?

И удрученно засунул пачку назад в карман, явно расстроившись, что сигарета, как гвоздь, будет вбита только в его

гроб. А Рэйка не сводила глаз. Если Акира захочет, то расскажет своим приятелям, а у тех была бита, керосиновая лампа и злоба. У Рэйки только растерянность, и в этой битве шансов нет. Но, что делать? Бежать? Кричать? Оба варианта — мимо.

— Ты сегодня играла?

Рэйка медленно качнула головой, пытаясь вытряхнуть из нее туман, и принялась сплестать в уме хоть какой-то план. Ей претило любое взаимодействие с людьми, пока она не разберется, где правда, где ложь; чем следует пожертвовать ради большего блага, а что необходимо сохранить; и, самое главное, — кому можно доверить свою жизнь, а кого следовало опасаться. Но и Акира, назло, задавал вопросы не впопад. Встретил девушку, крадущуюся по углам и наблюдающую за его товарищами, и задал вопрос: не играла ли она сегодня?

Да и внешность незнакомца не внушала ни капли доверия. Рэйку учили с детства — человек, имеющий чернильные отметины — гнилой. От таких нужно бежать. Рэйка по себе знала. На руках Акиры увековечены десятки бессмысленных татуировок: канцелярские скрепки, извивающиеся змеи, цитаты в духе «memento mori», оскаленные черепа, обрубленные крылья. На ключице даже можно различить нахального мальчишку, справляющего нужду, — его струя неприлично тянулась куда-то в сторону соска. От таких людей точно следовало держаться на расстоянии.

— Я тоже играл, — Акира сбросил пепел на землю, слов-

но стараясь так же сбросить воспоминания. Он крепко зажмурил глаза и качнул головой — длинные сережки в его ушах тихо звякнули. — Нас было четверо. Выжил только я. Поэтому Юки, Асада и Джуничи злы на меня. Выжить должны были они, а не я.

— С чего вдруг? — Рэйка выплюнула слова, как не нависший изюм в булочках. Ее шепот показался Акире слишком жестоким для такого миловидного лица, но вида не подал, хотя слегка повернул головой. — Бей или беги — закон природы. Ты убежал. *Другие не смогли.*

Рэйка и сама убежала. Хотя, если бы не прислушалась к словам Хидео, то оказалась на месте той девчонки и остальных, чьи тела, слава Богам, она не видела. Но Рэйка прислушалась, а незнакомка — нет.

— Но, я бил. И *бил* их. Легенда про Ямату Такэру и его победой над змеем, — он сделал глубокую и долгую затяжку. Рэйка слышала, как его легкие прожигались от никотина, и нехотя посмотрела на мирно вздымающуюся грудь. — Нужно найти змея и убить. Иначе — змей поочередно убьет каждого.

Рэйка задержала дыхание. Игры не всегда давали шанс выжить. Иногда, кто-то должен был умереть. Ей повезло оказаться в истории про загадки. И повезло, что не пришлось никого убивать. Но, смогла бы она? Если бы Рэйка выбрала «Змея», а не «Загадки» смогла бы она выжить? Или — смогла бы убить?

— И я был змеем. Убил каждого. Сначала парня с ожогом, потом Миоко и Адзуми, а тощего задушить было сложнее. Он бегал вокруг костра и пищал, пока я несея, вытянув руки. Я задушил каждого этими руками. Руками, которыми теперь я курю.

Акира говорил медленно, смакуя и наслаждаясь каждым словом, но на лице не отражалось ничего — ни радости, ни печали. Казалось, он специально вспоминал это, чтобы сделать больно. *Самому себе.* И с каждой последующей затяжкой это читалось лучше.

— Не говори им, — Рэйка качнула головой в сторону незнакомцев, что до сих пор выглядывали Акиру на улице, но из-за разговора с ним, их голоса терялись в темноте. — Не говори, что «змеем» был ты. Скажи, что выяснил «змею» в самом конце.

— Но я должен.

— Кому?

Кому он нужен со своей правдой? Живым? Мертвым? Токио? Кому Акира должен исповедаться? Рэйка, которой, казалось бы, плевать на курящего парня с ужасными тату, вдруг на доли секунды ощутила себя в его шкуре, и это ощущение воротило душу. В мире, где судьба благосклонна лишь к выжившим, врать — не худшее занятие. И больше всего Рэйку волновало то, что Акира, по ее мнению, не должен быть способен на рефлексию. Человек, уродующий себя столь странными рисунками, вряд ли задумывался о чув-

ствах и мнениях других.

— Ты главное у себя в должниках не останься.

Акира рассмеялся: тихо, почти беззвучно. Он откинул окурок куда-то в сторону припаркованной машины и снова достал пачку сигарет.

— Ты хороший собеседник, принцесса. Не против, если мы посидим в тишине еще немного?

Он зажег сигарету, но не поднес ее к губам, оставив тлеть между пальцами. Пепел падал на его грязные джинсы и рассыпался в прах. Рэйка подняла голову к звездам. Они, прикованные насмерть к небосводу, подчинялись воле судьбе. Хотелось загадать желание – выбраться и отправиться в отпуск. *Проснуться*. Но это глупое, отчаянное желание осталось храниться в горле несказанным.

Девушка посмотрела на сигарету – она тлела медленно, почти нехотя, а Акире было все равно.

Интересно, о чем он сейчас думал? Желал ли так яростно, как и Рэйка, отыскать выход? Или создавал план собственной кончины на игре? Или обдумывал, какой еще участок тела закрасить краской?

— Я встречал тех, кто не верил в реальность. Они бежали на рожон, умирали мучительной смертью, но не кричали. В их глазах не читалось страха. А встречал и тех, кто боялся ставить ставки. Они боялись и заходить в дома, где проводились игры. Боялись спать, есть, разговаривать с другими. Но, в конце концов, тоже умирали. Выбери для себя, что такое

смерть: освобождение или страх.

Сигарета еще не истлела, но оставалось еще немного. Рэйке казалось, что так и у него истекало время. Хотелось задать еще вопросы, расспросить его или потребовать ответы, приложив к горлу кайкэн, но слова более никак не хотели выходить. Она открывала и сразу закрывала рот – захлопывала, как капкан. Мысли обволакивали, сводили с ума и не соединялись воедино. Рэйка не могла найти ответ, не могла сообразить, и оказывалась беспомощной – такой, какой не хотела быть.

— Пойдешь к нам? — девушка качнула головой. Ей показалось, что такого ответа будет достаточно, но Акира хмыкнул и сделал последнюю затяжку. Сигарета истлела. — Я думал, что новеньким необходим социум. Ну, знаешь, объяснения или помощь?

— Я сама разберусь, спасибо.

Акира поднялся, отряхнул пыль с джинсов и застыл, глядя на друзей. Видно, как он неохотно к ним рвался, но он не Рэйка – Акира загнется от одиночества. Ему нужны расспросы и осуждающие взгляды. *Ему было нужно, чтобы с ним разговаривали.*

Но что-то останавливало. Он не осмеливался сделать и шагу навстречу. Акира застыл под баннером рекламы музыкальной школы; застыл рядом с черной Toyota Camry и кофейней. Застыл и не смел шевелиться, словно ему прописано в судьбе: «Шевельнешься и умрешь без права на перерожд-

дение». Но вопреки этому он шевельнулся. Сделал небольшой шаг, замер, потом попробовал снова и, в конце концов дошел до ребят.

То, о чем они начали разговаривать, Рэйка уже не слушала. Ее в мозг въелась фраза: «Выбери для себя, что такое смерть: освобождение или страх?». Она прокручивалась пластинкой раз за разом. *Освобождение или страх?*

Поднявшись, она устремила свой взгляд на тусклую вывеску напротив аптеки. «Магазин матрасов», – прочитала девушка и подумала, что сегодня ей выпал шанс на маленькое чудо: уснуть голодной, грязной и потной, но на мягком, чистом матрасе. На удивление, дверь оказалась не заперта, но внутри царил хаос: половина магазина пустовала, а остальные матрасы были изрезаны или запачканы. В целлофане уцелели лишь два экземпляра, но один был явно не класса «люкс». Рэйка же считала, что она заслуживала большего, чем просто «матрас для среднего класса». Подходящим оказался лишь один, и тот лежал у двери в подсобку. Сунуться в склад или поискать более надежное место? Рэйка не решилась: глаза слипались, а тело молило о горизонтальной поверхности. Она нашла запечатанную подушку, но постельного белья не было и в помине.

Стянув с себя брюки, она бережно положила их на подоконник. Затем избавилась от поролонового живота и бразильской попы, которые и создавали иллюзию пышных форм. Блондинистый парик полетел на пол – она поклялась

больше никогда не надевать эту копну волос в плюс сорок. Под сеткой волосы смялись и встали дыбом, стоило ее стянуть. Под волосяной шапкой ее собственные короткие волосы взмокли и отвердели, потеряв всякую послушность. Блузка отправилась на подоконник, а пиджаком Рэйка накрылась, словно одеялом. Кайкэн она спрятала под подушку.

Глава 4. В чайной церемонии появляется новая чаша, а на татами появляется еще один дзабутон.

Казалось, что она не провалилась в сон ни разу. Рэйке то и дело слышались шаги, лязг, шепот. Девушка даже приоткрывала глаза и смотрела в окно, заметив в углу стекла что-то грязное и лохматое, но, стоило ей приподняться на локти, как мираж рассеивался.

Пробуждение принесло лишь измотанность, и с первыми лучами солнца Рэйка больше не могла лежать. Тело требовало движения, поиска выхода, *ответов*. И тогда же она вспомнила лицо Хидео – его тоже надо бы найти.

Босые ноги коснулись ледяного кафеля. Рэйка почесала ногу под коленкой и широко зевнула. Краска под кожей ощущалась тонкими еще не зажившими линиями и, если провести по ним пальцами, то на ощупь можно почувствовать, где находилось крыло и начиналась голова. Идея набить четырех журавлей в третьесортной студии, была явно необдуманной. И, хоть воровской кодекс запрещал какие-либо опознавательные знаки на теле, Рэйка чувствовала в этом необходимость. Потому что ее учили с детства – *человек, имеющий*

чернильные отметины – гнилой, и ей не хотелось быть исключением.

Поролоновые накладки и парик она решила оставить, но без накладок дорогие брюки свисали уродливыми тряпками. Бежевый пиджак тоже казался бесформенным, поэтому она ограничилась одной блузкой, потуже затянув ремень на брюках.

Рэйка вышла на улицу. Ребята, с которыми она столкнулась вечером, еще спали: в окнах аптеки виднелись очертания шести разбросанных матрасов: три пустовали, на остальных же, укрывшись одеялами, спали люди. Не задерживаясь взглядом, Рэйка двинулась в путь.

Первой целью стала квартира госпожи Мицусавы, расположенная в трех кварталах от аптеки и магазина матрасов. Там, по плану Рэйки, госпожа должна была сидеть в кресле с чашкой зеленого чая. Вряд ли старая ворчливая женщина поддастся уловкам продюсера шоу и уйдет из своей обжитой квартиры. Рэйка даже зайдет через дверь, а не полезет через черный вход!

На улице она по-прежнему никого не встретила: все те же пустые кафе, брошенные машины, разбросанная бумага. От гнетущей пустоты в голове снова зароились вопросы: может, была эвакуация? Или метеорит разнес пол планеты, и теперь Рэйка мертва? Оба варианта провалились: эвакуацию она не слышала, а привидений, бродивших по Токио, было бы в миллион раз больше. Может, она попала в дзигоку? Или

ад? Тогда здесь подозрительно мало людей. Или она в коме? Но Рэйка отчетливо ощущала и голод, и страх.

Взгляд зацепился за рекламный щит: «Будь добрым. Помни о жизни» на черном фоне. Рэйка оглянулась в попытках увидеть что-то подобное, но в округе подобных плакатов не встречалось. Она не могла и припомнить, чтобы в ее Токио на жилых домах висели подобные баннеры. И в мертвом городе эта лицемерная реклама казалась издевкой. Кому здесь нужна доброта? И кто будет добр к Рэйке? Был бы толк, распечатав она подобную рекламу с собственным лицом и надписью: «Помогите ей выбраться». Рэйка засмеялась.

Дом госпожи Мицусавы, трехэтажный колосс, ютился в грязном переулке меж продуктовой лавкой и затхлою букинистической. Обычно вход охранялся бдительным охранником, но сейчас внутри тусклого подъезда не было никого. Рэйка поднялась по лестнице на второй этаж, скользя взглядом по обшарпанным дверям в поисках роковой квартиры с номером сорок четыре.

— Проклятое число, — прошипела она, толкая дверь.

Внутри царила пустота. Ни резных шкафов, забитый пыльными статуэтками, ни диванов с вытертыми персидскими коврами, которые она хотела продать после отпуска, ни книжных полок с выцветшими фотографиями, ни шелковых занавесок, колыхавшихся от случайного ветерка.

Невозможно вынести все за такой короткий срок. Должно было что-то остаться.

«Трубы», – лихорадочно подумала Рэйка, и метнулась в ванную, затем на кухню, но в квартире не было никаких труб: ни газовых, ни водных.

Она вышла в коридор, уверенная, что картонному миру должен где-то прийти конец. Девушка металась от квартиры к квартире, ощупывала стены в поисках потайных дверей, проверяла каждую половицу, открывала и захлопывала окна, но все старания были тщетны.

Измотанная, Рэйка рухнула на пол, прислонившись спиной к холодной стене. Теперь, когда вопросов стало больше, она решила сосредоточиться на приложении, сиротливо маячившем на главном экране. Смахнув по экрану вниз, она обнаружила, что связи нет. Ни единой полоски. Все значки – мобильная связь, Wi-Fi, Bluetooth – были перечеркнуты. Даже не работала геолокация. Заряд остановился на тридцати восьми процентах, застыв в вечном ожидании.

В самом приложении на главном экране была карта города, усеянная черными отметинами в виде каруселей. Их было бесчисленно много, а в её районе – всего три. Карусели не имели никаких обозначений, и едва ли они могли стать выходом. Стоило проверить.

Внизу экрана скромно мерцали две кнопки: «Баланс» и «Магазин». Палец коснулся пиктограммы с мешком монет, и моментально всплыло новое окно. Кроме цифры баланса, в нем зияла одинокая, тускло-серая кнопка «Ставка» – пока неактивная. Зато «Магазин» искрился соблазнами: едва

напитки, одежда, обувь, мыльные принадлежности, постельное белье, мебель, спиртное, книги, настольные игры, букеты цветов, медикаменты. Все, чего пожелала бы душа, пусть и по кусачим ценам. Простой рис стоил полторы тысячи монет. У Рэйки было всего пятьсот. С другой стороны, в «Магазине» напрочь отсутствовали колющие-режущие предметы: ни ножей, ни иголок, ни вилок, ни гвоздей. При повторном просмотре Рэйка заметила, что и напитки предлагались исключительно в пластиковой таре.

Она с шумом выпустила воздух, заблокировав телефон. Теперь, чтобы поесть, придется участвовать в безумных играх. Технически, можно было бы украсть телефон и перевести монеты на свой баланс. Но вдруг, возможно заказать что-то через чужой телефон?

Осознание того, что Рэйка – единственная, кто сохранил оружие, давало хрупкую надежду. Хотя она допускала, что могли найтись и другие, пронесшие что-то опасное из своего мира, их число вряд ли превысит жалкую горстку.

Она поднялась на ноги – раскисать не было времени.

Проходя мимо разгромленных лавок, Рэйка вновь зацепилась взглядом за плакат, свисающим с балкона четвертого этажа и почти касающийся окон первого. Надпись: «То, что сделано – возвращается», теперь вызывала у девушки неподдельную тревогу.

— Такие плакаты повсюду.

Рэйка резко обернулась и отшатнулась, прижавшись спи-

ной к холодному металлу автомобиля. Перед ней стояла та самая девушка, с которой она столкнулась в первой игре. Теперь ее кудрявые, непокорные волосы были заплетены в тугую косу. Вместо черного худи на ней красовались обтягивающие лосины и голубая олимпийка.

Остановившись возле Рэйки, девушка продолжала бежать на месте, тяжело дыша.

— Меня зовут Киемидзу Акико, — она протянула руку, не прекращая бег. — Акико. Кажется, мы с тобой где-то виделись, girl.

Она прищурилась и опустила голову, рассматривая штаны Рэйки. Будет неловко, если она не догадается, что полная девушка в парике – всего лишь прикрытие, и настоящая Рэйка, тощая брюнетка, не выглядит так запоминающейся.

— Точно! Игра с тем стариком! Girl, раньше ты была стандартом KFC, а сейчас СМИ¹. А с волосами что сделала? Потратила монеты на краску? Ой, а разве новенькие не навязываются в группы? Ну, и правильно, что ты не стала. Какой в них смысл? Поверь мне, сестра, выживать одной намного легче. Ты сама в ответе за собственную жизнь. Хотя, тому парню в очках я бы доверила собственную. Он вроде как ответственный. Я таких не видела. Видела, но они все мертвы.

Рэйка демонстративно закатила глаза. Возможно, если бы она развернулась и ушла, Акико так и осталась барахтаться в словесном водовороте, прикованная к одному месту. Так и поступив, отвернувшись на роковом слове «мертвы», Аки-

ко продолжила делиться откровениями с машинами, плакатом и пустотой. Она опомнилась, когда Рэйка стояла уже у светофора – девушка по привычке обернулась по сторонам. Машины хоть и были, но стояли на месте – никто не смел их трогать или же они просто не заводились?

— Эй, кукла, постой. Куда ты направляешься? Добежим до бокса? Я купила еду, но боюсь, что не донесу. Но делиться не буду! Сегодня у меня пир! Я заказала рис, онигири, суши, жаренную курицу, пиво и карбонару. Зачем взяла последнее – не помню. Помню, что хотела взять чипсы, но выбрала пиво, а потом и карбонару. Если хочешь, ее могу отдать тебе. А вот завтра я обязательно закажу картошку, запеченную в беконе на луке. Звучит очень вкусно.

Рэйка достала телефон и сверилась с картой. Прямо по улице, куда направлялась Акико, была черная карусель. Теперь появился мотив проверить, что там находилось.

— Во сколько игр ты играла? — девушка решила, что беседа в духе товарищей по несчастью, ее привлекала больше, чем пустой треп.

— Кажется, десять. Или более. Но десять точно! Я перестала считать после того, как сдалась. Выхода отсюда точно нет. Я обежала все Токио. Все! Побывала точно в каждом доме. По крайней мере в шести, что знаю. Но во всех музеях, кинотеатрах, выставочных комплексах – планировка та же. Я-то знаю. Со мной как-то поспорил Симادا, что планировка в национальном музее отличается, но я работала там и да,

выучила планировку. У меня, как же это, профессия такая — обязательно нужно знать планировку.

Между словами Акико не делала пауз. Ее рассказ был сплошным одним словом, и Рэйке приходилось мысленно отделять, ставить запятые, точки. Что касалось планировок — Рэйку тоже обязывала работа. Она знала планировку двух музеев: Мирайкан и Тейен наизусть. Так же знала планы гостиниц в центре и около десятка торговых центров. Даже, если взять во внимание дом госпожи Мицусавы, чью планировку она изучала до прихода, то ничего не отличалось. Вот только, трубы исчезли. А этого чисто физически не могло произойти.

— А транспорт?

— Имеешь в виду: ходит или нет? Вообще, нет. Там нет, как их там, двигателей всяких, проводов. От машины только оболочка да четыре колеса. С автобусами то же самое. И метро. Но в метро нет электричества, поэтому можно погулять по путям.

— А что насчет конца города? Кто-то пытался выйти?

Увлеченная дорогой, Рэйка не сразу заметила, как Акико притормозила. Почти остановилась. Обернувшись, она увидела, что та жадно ловила ртом воздух, а взгляд прикован к далеким небоскрегам. В глазах Акико плескалось странное, болезненное восхищение.

— Акико?

— Как бы тебе сказать. Конца...

Концовку предложения Рэйка не услышала – кто-то совсем рядом крикнул и расхохотался. Акико, схватив девушку за руку, резко присела, прячась за автомобилем.

— Так, как там тебя зовут?

— Рэйка.

— Так вот, Рэйка. Увидишь Такеши – беги. Они не могут украсть еду или что-то около того, но они сто процентов засядут тебе в мозг и попросят играть вместе с ними. А это – очень плохо. Такеши использует людей, как пробный вариант. Так, видишь вон тот подземный тоннель. Ныряй туда через пять...четыре... Все, ныряй.

Акико оттолкнула девушку, и та, потеряв равновесие, рухнула на грязный бетон, принялась беспомощно ползти к ступеням. Акико, ослепленная собственным стремительным бегством, даже не заметила лежавшую на земле девушку – грубо наступила ей на спину, в бешеном рывке устремляясь вниз по лестнице.

Рэйка не успела разглядеть Такеши, но тот точно был выше на полторы-две головы, и это означало, что в равном поединке девушке не выйти победителем. Лучше уж послушать Акико и убежать от потенциальной опасности.

Коснувшись последней ступени, девушка заметила, как Акико убежала вглубь станции, спрятавшись за массивной колонной, высматривая Такеши на ступенях эскалатора. Может, Такеши даже не заметил их, или же, заметив, не придал значения. Рэйка бегала быстро, и в этот раз смогла бы

убежать. Главная опасность Такеши – на играх, но и там без него хватало хищников: Акико, Акира и, возможно, Хидео, загнанный в угол. В ситуациях «ты или он» Хидео вряд ли пожертвует собой.

Девушка выпрямилась, игнорируя отчаянные попытки Акико загнать ее в угол жестами. Она подошла к информационной панели с картой запутанных линий токийского метрополитена. Сейчас они находились на синей ветке – линии Тодзай. Кратчайший путь домой лежал через этот выход, всего две улицы, но, видя панический ужас в глазах Акико, Рэйка поняла – придется идти в обход.

Так и случилось. Они вышли совсем не там, где нужно. Даже, если следовать причудливому маршруту Акико, до черной карусели им следовало обойти квартал и в итоге выйти на улицу, где они повстречали Такеши. Всю дорогу Акико что-то бормотала – то ли о играх, то ли о каких-то неписанных правилах. Сначала Рэйка пыталась вслушиваться, вычленять полезную информацию, придумывать стратегии, но вскоре поток бессвязных слов превратился в не перевариваемый ком.

Наконец, они оказались перед высоким зданием, фасад которого был обезображен огромным черным полотном со злобещей надписью: «Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный».

— Это выдержки из Библии, — Акико подошла к небольшому черному ящику на противоположной улице, встроен-

ным вместо окна первого этажа. — Таких здесь много.

— Что они обозначают?

— Изречения? — Акико пожала плечами, доставая из кармана телефон. — Не знаю. Кто-то пытался найти связь между играми и фразами, но не нашел никакой зацепки. Так что, скорее всего это антураж, — она снова пожала плечами.

Нет! Эти огромные полотна, разбросанные по всему городу, не могли быть просто антуражем.

Рэйка напрягла зрение, пытаясь проникнуть взглядом в самую глубину качественной печати. На полотне холодным белым шрифтом красовалась лаконичная надпись на английском. Ничего примечательного. Разочарование уже подступало к горлу, заставляя девушку почти отказаться от поисков, но вдруг взгляд зацепился за едва уловимую надпись, просыпающую на два тона светлее, чем всепоглощающий черный фон. *Буквы*. Крошечные буквы, не больше пары сантиметров, ютились в нижнем правом углу — заметить их на полотне было практически невозможно.

— С.А:Т.У.Р.Н, — еле шевеля губами произнесла Рэйка, а затем развернулась к Акико. — Такие буквы на всех плакатах?

Неохотно оторвав взгляд от телефона, Акико уставилась не на полотно, а на Рэйку — ей пришлось подойти к полотну, встать на носочки и указать пальцем на надпись. Только тогда, прищулив глаза, Акико подошла ближе, прижимая к груди включенный телефон.

— Вот это да, — вскрикнула она. — А издалека не видно вообще! Как будто просто потерто. Так на всех плакатах? — она посмотрела на Рэйку явно ожидая ответа, но та молча смотрела в ответ. Потребовалось несколько секунд, чтобы Рэйка все же оттаяла и пожала плечами. — Ты прям гений. Что-то между Эйнштейном и да Винчи. Но, к чему это нас приблизило? К еще одной головной боли? Мир, сошедший с ума, не будет подкидывать подсказки. Он хочет уничтожить не только себя, но и других.

Она развернулась и, сохраняя непроницаемое спокойное выражение лица, направилась обратно к черному ящику, чувствуя спиной неодобрительный, прожигающий взгляд.

Но Рэйке не давала покоя мысль, что во всем крылось нечто большее. Возможно, мир, сошедший с ума, хотел найти подстать ему? И именно поэтому следовало обращать пристальное внимание на мелкие детали.

— Если ты не можешь сказать ничего хорошего, то лучше бы вообще молчала! — Буркнула Рэйка, отворачиваясь обратно к полотну.

— Если я буду следовать этому правилу, то больше никогда не заговорю снова. Иди сюда! — В последний раз взглянув на буквы, Рэйка все же развернулась и подошла к Акико, продолжая листать что-то в телефоне. — Вот, смотри. Я заказала еду, и теперь ввожу номер на это табло, — Акико повернулась к боксу и дважды коснулась указательным пальцем небольшой панели, которая тут же загорелась,

отображая цифры. — Так, 1107. Готово! — Дверка ящика открылась и внутри оказалась небольшая коробка без надписей или штрих-кодов. Ничего, что могло бы дать зацепку.

Акико бережно подхватила коробку и обвела взглядом унылое пространство. Рядом ютился обшарпанный магазинчик техники под вывеской «Пиксель Сити», где буква «С» повисла на одиноком шурупе. Но внутри не было и намек на былую роскошь электроники: ни глянцевых телефонов, ни мерцающих экранов телевизоров, ни рядов клавиатур. Лишь жалкие остатки мебели напоминали о прошлой жизни: пара стульев, из которых лишь у трех не была сломана ножка, два письменных стола, одинокий барный стул и горы мусора, словно зловещие барханы, поглощали надежду.

Стараясь не наступать на разбросанные щепки и картонные осколки, Акико все же оступилась о предательскую ножку стула. В это время, Рэйка, сбросив со стола ненужную макулатуру, поставила рядом два шатких стула.

— Знаешь, что я думаю насчет этих полотен? — она усе-лась на стул и покосилась в окно, где был виден правый угол огромного черного фона. — Суеверие — это попытка найти опору в хаосе. Здесь, эти полотна скорее выполняют функцию защитного механизма, создавая видимость порядка в непредсказуемом мире. Эти знаки создают иллюзию контроля.

— Вот это ты по-умному заговорила. Точно заучка. Думаешь, выдержки из Библии помогают что-либо контроли-

ровать? — Акико поставила коробку на стол и стала по очереди вынимать пластиковые контейнеры. — «Видимость порядка», говоришь? В этом мире много тех, кто явно достоин здесь находиться. Например, Такеши, — наконец, когда все контейнеры были на столе, Акико неуверенно пододвинула один к Рэйке. — Прости, но это все, что я могу дать.

— Я понимаю, — перебила Рэйка. — Спасибо. Правда спасибо.

Под ее изучающим взглядом Рэйка открыла контейнер с карбонарой: нежные нити спагетти, усыпанные хрустящими кубиками бекона, и вуаль золотистого сыра. В голове мгновенно вспыхнула яркая картина: она и юный незнакомец, делающие трапезу в ресторане Il Tridente, с видом на каскад разноцветных домиков, прилепившихся к склонам Позитано. Чтобы вырваться в этот рай, девушке пришлось похитить бриллиантовое кольцо, зловеще напоминавшее проклятый «бриллиант Хоупа». Господин Масугуро, заказчик кражи, лишь хмыкнул, оборонив, что этот камень унаследовал не только внешнее сходство, но и зловещую судьбу оригинала.

Отвратительное воспоминание, учитывая, что бриллиант действительно был проклят: юный итальянец был найден мертвым на следующее утро, господина Масугуро задержали в аэропорту с контрабандой, а Рэйка застряла здесь — в опустевшем Токио, три года спустя после того недолгого побега.

Она отломила пару деревянных палочек, прикрепленных

к внутренней стороне крышки, и поднесла спагетти ко рту, все еще не понимая, что за странная искра мелькнула в глазах Акико, отчего уголки ее губ медленно поползли вверх, складываясь в подобие улыбки Чеширского кота. Рэйка даже украдкой принялась — пахло соблазнительно. Но вкус... Вкус был чудовищен. Девушка тут же выплюнула спагетти, едва они коснулись языка. Омерзительный привкус гнили и затхлой болотной тины. И пока Акико заливалась веселым смехом, Рэйка плевалась на пол.

— Твою еду никто не может есть. Запомни это, малышка! Но, есть лазейка. Нужно сыграть в игру на еду и выиграть, — Акико выставила вперед сжатый кулак. — Сыграем в камень-ножницы!

Рэйка с недоверием глянула на девушку.

— А можно было предупредить заранее?

— Зачем? Это весело. Тем более, ты теперь на своем опыте знаешь вкус. Выставляй руку.

Вытерев рот рукавом пиджака, Рэйка выставила руку вперед, как тут до нее дошло.

— Камень-ножницы? А как же бумага?

Акико вздохнула и закатила глаза.

— Вроде умная, но глупая. Игры ты выбираешь сама, как и условия. Думаешь, сколько тебе нужно попыток, чтобы выиграть?

Умно. Рэйка, осекший на полуслове, нахмурилась, выставив вперед кулак. На счет «раз, два, три» Акико выставила

ножницы, а Рэйка камень. От ожидаемого проигрыша Акико вскрикнула, поднимая руки вверх, радуясь чужой победе. — Ну, давай же. Пробуй.

С некоторым сомнением Рэйка подцепила палочками спагетти и медленно поднесла ко рту, ощущая на себе внимательный, полный предвкушения взгляд. Акико даже сжала кулачки, предвкушая восторг. И восторг действительно последовал незамедлительно. Эта карбонара разительно отличалась от тех, что она пробовала в Италии. Да и вообще, от всего, что она когда-либо ела. Вкус был насыщеннее, ярче, сочнее.

Вероятно, ее лицо выражало одновременно восторг и растерянность, потому что Акико еле слышно рассмеялась. В ее смехе не было и тени насмешки, скорее – разделение момента, общая радость от маленького открытия. Рэйка, позабыв о своей привычной сдержанности, с шумом втянула еще немного спагетти, умудрившись слегка испачкать подбородок.

— Теперь я требую, чтобы ты обращалась ко мне не иначе, как к, — нахмурившись, девушка уставилась перед собой, явно перебирая в голове идеальные варианты. — Солнышко. Да! Звучит отлично, — она хлопнула в ладоши. — Согласись, мир прекрасен, когда ты можешь провести его за столом с едой и выпивкой. Наверное, хорошо, что мы живем один раз. Второго ни я, ни мой желудок не выдержали.

Это прозвучало слишком серьезно для несерьезной Аки-

ко. И, хотя она продолжала улыбаться, Рэйке показалось, что в пустом пространстве пробежал странный и противный холодный ветерок. Акико, слегка кивнув головой, отправила в рот онигири. Ела она медленно, сосредоточенно пережевывая каждый кусочек — не из жадности, а с той утонченной грацией, что выдавало безупречное воспитание. Рэйка могла отличить бедного от богача, но в новой знакомой соединились два мира: она запросто обращалась к Рэйке по имени, позволяя себе вольности в общении, но при этом сохраняла аристократическую, безупречную осанку. Ее алебастровая кожа казалась неожиданным снегом на грязной улице, но спутанные пряди волос и поношенная одежда всегда оставались неухоженными.

— Я жажду свободы и не вижу ничего хорошего в непредсказуемом мире. Знаешь, страх действительно может парализовать и тело, и ум. Просто нужно найти что-то, заставляющее действовать. Что-то, что выводит из состояния паралича, и я считаю, что это воля. Только благодаря ней ты способен двигаться дальше, играть в игры, продолжать жить. И, если ты ищешь выход из нашего «герметичного ада», то иного выхода я пока вообразить не могу.

— Хочешь сказать, что единственный выход — смирение? — Рэйка качнула головой. — Я так не думаю. К примеру, эти полотна. Их не было в Токио, — она прокашлялась. — Ну, в том, что *настоящий*.

— А чем этот Токио отличается от «*настоящего*»? Я слы-

шу и вижу все вокруг. Я чувствую голод, холод, сонливость и желание выпить. Я чувствую боль и страх. Я понимаю, что я – живая. И это не отличает меня от меня из «*настоящего*» Токио, тогда, в чем разница?

— Разница в том, что в «*настоящем*» Токио ты не можешь умереть.

— Разве? Мне казалось, что смерть неизбежна.

— Ты поняла меня, Акико, — фыркнула Рэйка. — Дома не умирают от игр. Дома не нужно рисковать жизнью, чтобы купить еды.

Акико ничего не ответила — она молча таращилась на девушку, изредка позволяя себе моргать, чтобы никто не принял ее за робота. Рэйка же закрыла глаза и потерла виски. Раньше такое простое действие помогало отвлечься и успокоиться.

— Я имею в виду, что иногда полотно — это просто полотно.

Это было правдой в том мире, где жила Акико. Для Рэйки же ее слова были чужды, и в ее мире, с разницей минимум в десять игр, сдаваться было еще рано.

Интересно, какой станет Рэйка, когда продолжит играть? На кого станет похожей? На Хидео, Акиру или Акико? На того, кто продолжил сражаться или того, кто сдался?

Внезапно воздух распорол противная детская мелодия. Телефоны ожили в карманах и задрожали в унисон. Не сговариваясь, девушки вынули их, замороженно уставившись на

мерцающие экраны.

— Скоро начнется игра? Разве не должно быть какого-то определенного времени?

Акико отрицательно качнула головой, увеличивая масштаб экрана.

— Куда пойдешь?

Взгляд Рэйки замер на карусели с манящим названием: «Легенда», мерцающей на другом конце улицы.

— Я думаю, что выберу «Легенду», а ты?

— «Дворец» звучит как-то благородно.

— Ты выбираешь игру по названию? — Рэйка изогнула бровь.

— Ты не понимаешь, — Акико покачала головой. — Я выбираю игру по чувству. По наитию. Если у меня в душе что-то откликается, то я явно выбрала нужный вариант.

— Это не в душе откликается, а сердце твое стучит, солнышко, — Рэйка тут же вспомнила о том, что Акико просила называть ее «солнышком» после того, как та поделилась с ней едой. Сейчас ей хотело подколоть этим милым прозвищем как можно больше.

— Хорошо, — Акико протянула руку, — давай, если мы обе выживем, то при следующей встрече напьемся?

Рэйка улыбнулась. «*При следующей встрече*»... Звучало пугающе. Когда могла случиться их следующая встреча? И случиться ли?

Она поднялась со стула и уставилась на надпись внизу

экрана: «Игра начнется через тридцать минут». До конца улицы она дойдет максимум за десять, и останется время, чтобы осмотреть своих оппонентов. Или, быть может, в этот раз они станут союзниками? Рэйке нравилась идея обзавестись еще парой товарищей схожими на Хидео. Возможно тогда, объединив усилия, они смогли бы что-то отыскать.

Глава 5.Пустой рукав кимоно воина хранит память о коварстве.

К назначенному месту она кралась вдоль домов, надеясь издалека высмотреть участников встречи. Ей навстречу, по самой середине дороги, двигался парень болезненного вида. Даже на приличном расстоянии бросалась в глаза его мертвенно-бледная кожа, угловатые, неуверенные движения. Он кутался в тонкую черную ветровку, хотя солнце скорее согревало, чем холодило.

Перед самым поворотом он оглянулся, достал телефон и сверился с адресом, но, ожидая, что незнакомец являлся первым пришедшим, он дернулся, когда услышал нежный женский голос. Девушка, стояла за углом, скрытая от взгляда Рэйки. Она лишь заметила нервозность парня: едва незнакомка задала вопрос, тот задергался и натянул капюшон.

Девушка, видимо, оставила свои попытки, потому что парень отступил на два шага назад, а она, хмыкнув, вышла из тени. В ее длинные распущенные волосы были вплетены две красные ленты, кокетливо обрамлявшие лицо и ниспадавшие мягкими волнами к оголенным ключицам. Короткое алое платье никак не вписывалось во внешний уличный антураж, и ее внешний вид, казалось, был сказочным, словно элемент нормальности из того мира, где привыкла жить Рэй-

ка, появился и здесь.

Третьим появился Акира. Сперва Рэйка удивилась неожиданной встрече и уже готова была выйти из укрытия, чтобы поздороваться, но нечто ее удержало: то ли взгляд парня, то ли его шатающаяся походка.

Четвертым из-за угла ресторана «Муцу Минато» возник Хидео. Он обвел всех равнодушным взглядом, поправил очки и вдруг посмотрел в сторону Рэйки. На мгновение их взгляды встретились. Переплелись. Схлестнулись в безмолвной схватке, и Хидео, побежденный, отвел взгляд и поправил лямку рюкзака, свисающего с левого плеча. Он все же не заметил Рэйку – отвернулся и улыбнулся девушке в красном платье.

Пятым подошел еще один парень в строгом деловом костюме, на спине которого был вышит бисером грозный тигр. Он приветливо поклонился всем и тут же отошел к магазинчику «Family Mart», разглядывая сквозь пыльное стекло пустые полки.

Рэйка решила, что лучше идти шестой, и еще раз оценила обстановку. Девчонку в красном платье можно не бояться – она меньше ее ростом и была до дрожи напугана. Хоть Рэйка и сама напугана до чертиков, свой страх девушка даже не пыталась скрыть. Парень в деловом костюме тоже не выглядел опасным – слишком уж он далек от образа бандита. От парня, пришедшим вторым, следовало держаться подальше. Он не внушал доверия ни своим шмыганьем носом,

ни колючими взглядами, ни нервными жестами. Темной лошадкой для Рэйки оставался Акира. Внутри что-то кричало о том, что беду нужно не просто ждать, а готовиться к ней. В голове всплыли слова девушки с косичками о том, что на его руках слишком много крови. А к Хидео стоило держаться ближе.

Набрав в грудь побольше воздуха, она наконец вышла из тени и направилась ко входу в Bar Five, двери которого венчала голубая карусель.

— Может, подождем внутри? — девушка в коротком красном платье обняла себя за плечи. На ее вопрос все ответили молчанием, даже Хидео молчаливо покосился на Рэйку. — Меня зовут Садао Есико, — спохватилась она и быстро поклонилась. — Это моя третья игра, и я буду очень благодарна за поддержку с вашей стороны.

Рэйка снова пробежалась взглядом по каждому, кто молчал. Забавно, но они старались не смотреть на девушку, и даже отводили взгляды.

— Среди нас есть новенькие? — спросил парень в костюме, наконец отходя от витрины «Family Mart», вставая практически в самом центре перекрестка. — Меня зовут Сугавара Тиба, и я могу помочь. Это моя шестая игра. Я знаю правила и тонкости нового мира.

Теперь и он с надеждой посмотрел каждому в глаза, пытается выманить ответ. Даже прижимал руку к груди и поднимал брови, стараясь вызвать доверие. Но Рэйка вместо это-

го хмурилась. Примыкать к тем, кто так яростно предлагает помощь — гиблое дело. Хорошая тактика, чтобы остаться в живых. Кажется, по словам Акико, таким промышлял и Такеши. Было бы интересно сыграть и с ним.

— Ага, а еще заплетем друг другу косички и будем сплетничать под фильмы нулевых, — Акира громко хмыкнул и подошел к двери, толкая Тибу в плечо. — Прекращайте оттягивать неизбежное.

Он стал первым, кто открыл дверь и скрылся в пугающей темноте. Дверь с глухим стуком закрылась, и улица снова погрузилась в тишину. Есико все еще пыталась встретиться с кем-то взглядом, пыталась найти поддержку, утешение, но ее надежда вдребезги разбивалась о каменное безразличие.

Рэйка уставилась на голубую дверку с каруселью, пытаясь представить, что же делал Акира в одиночестве. Грыз ли губы, прижимаясь спиной к холодной двери? Или, наоборот, сверлил взглядом шкатулку, ожидая начала?

К двери начали подходить люди. Сначала Тиба, за ним следом Есико. Девушка догрызла ноготь на мизинце и, выплюнув, уверенно зашла следом. Парень болезненного вида вошел следующим. Хидео замыкал очередь.

«Выбери для себя, что такое смерть: освобождение или страх»

Рэйка закрыла глаза, отчаянно пытаясь отыскать для себя ускользающий ответ. Освобождение или страх? Страх или освобождение? Она всем сердцем противилась мысли о том,

чтобы переступить порог комнаты. Ее манило простое желание — развернуться и бежать без оглядки, укрыться спасительным одеялом и, затаив дыхание, ждать, когда рассеется весь кошмар.

— Боишься? — Рэйка вскинула взгляд на Хидео, замершего в дверном проеме. Тот едва заметно повернул голову, словно краем глаза желая удостовериться, что девушка здесь, а затем развернулся полностью. Улыбка парня, теплая и обезоруживающая, заставила Рэйку поежиться. Она не припоминала, чтобы кто-то встречал ее с искренней доброжелательностью. Хидео улыбался — Рэйка крошилась. Превращалась в прах, и ветер уносил ее куда-то за пределы реальности. Туда, где улыбка Хидео будет не чуждой, а *нужной*. Необходимой. — Пойдем, испугаемся вместе.

Это были не просто слова. Это был выход из полного одиночества во мрак. Хидео не просто превратил сказанное в кинжал, он сам вонзил его в самое сердце Рэйки, с наслаждением проворачивая рукоять. Рэйка привыкла хоронить свой страх в одиночестве. Она привыкла. Пришлось. Никто и никогда не относился к ней с добром без собственной выгоды. Но теперь в мире хаоса и неопределенности появился тот, с кем можно разделить бремя.

— Ямада Хидео, — она заправила черные волосы за уши и выдавила из себя улыбку. — Все, чего я боюсь — не получить твой номер.

Но, на самом деле, Рэйка боялась тысячи вещей, и пере-

ступить через порог — одна из них.

Комната почти не отличалась от той, где началась ее первая игра: те же наивные рисунки на бежевой стене, тот же выцветший от времени стол с золотистой шкатулкой. Едва они переступили порог, шкатулка издала фальшивую, навязчивую детскую мелодию, и в тот же миг все присутствующие выхватили свои телефоны.

— У меня есть предложение, — Акира пристально смотрел на болезненного парня, а затем с хитрой улыбкой посмотрел на Рэйку. — Давайте пойдем в ва-банк. Сделаем ставку на все монеты.

Все обменялись молчаливыми взглядами. Тишина сгустилась, как предгрозовая мгла. Лишь Рэйка не отрываясь следила за Акирой, пытаясь проникнуть в самые темные уголки его души. И сейчас в нем не было того парня, кто сожалел о смертях прошлым вечером. Напротив, Акира лучился самоуверенностью: широкая, хищная улыбка растянула его губы, кончик языка скользнул по зубам, а в тишине комнаты раздался зловещий хруст пальцев.

— А не стоит ли перестраховаться?

— Зачем? Мертвому монеты все равно не нужны, а у живых еще останется шанс отыгаться, — он ткнул бутылкой в грудь Есико, из-за чего она взвизгнула. Только сейчас Рэйка заметила, что все это время у него в руках была пластиковая бутылка. — Давайте же! Выпьем за азартное будущее!

В его словах сквозила зловещая логика. Поставить на кон

все — и когда смерть заглянет в глаза кому-то из них, остальные сорвут куш. В проигрыше останется лишь тот, кто владеет самым увесистым кошельком. Если же никого не настигнет злой рок, выигрыш поделят поровну. И тут же в голову влез вопрос: а бывало ли такое, чтобы все участники остались в живых?

Рэйка снова обвела всех взглядом. У Акиры вряд ли бы осталась крупная сумма монет, учитывая, что и вчера, и сегодня он потратился на выпивку. Есико тоже не была богатой — за две игры не нажить состояния. Бледный юноша и вовсе не походил на монетного туза. Остались лишь Хидео и Тиба, но в глазах последнего плясал азартный огонь.

— Что думаешь? — Рэйка толкнула в бок Хидео.

— Выгодный вариант для тебя, — прошептал он, а дальше продолжил громче, чтобы услышали все. — Я согласен. Шансы проигрыша всегда ровно половина.

Рэйка посмотрела на свой баланс — пятьсот двадцать монет. Слишком мало, чтобы купить какой-либо еды и слишком много, чтобы потерять все разом. Однако, баланс никогда не упадет ниже двадцати монет — так сказал Хидео в первую их встречу, и сейчас появился шанс все проверить. С другой же стороны, Хидео был прав — ва-банк действительно был выгоден для Рэйки, даже, если никто из них не умрет. Вряд ли в комнате был человек, у которого баланс был критически мал.

Она нажала на кнопку «Ставка» и ввела всю сумму, раз-

ворачивая экран телефона ко всем.

— Ставка сделана, — сказал она, смотря на улыбающегося Акиру. — Я иду в ва-банк.

Акира раскатисто расхохотался, запрокинув голову, и жадно припал к горлышку бутылки, осушив ее чуть ли не на треть. Есико, с диким блеском в глазах выхватив бутылку из его рук, выпила куда больше Акиры, и, вытерев тыльной стороной ладони потеки с губ, протянула бутылку Тибе. Она так же поставила на кон все монеты и, торжествуя вскинув телефон, продемонстрировала экран. Сугавара Тиба, словно обезьянка, бездумно повторил ее действия, вплоть до упрямого поджатия губ. Бутылка перекочевала к незнакомцу, но тот, отпив лишь жалкую четверть, быстро набрал сумму, но не показал экран.

— Я не пью, — Хидео с той же солнечной улыбкой передал бутылку Рэйке. — Берегу себя.

Взгляд Рэйки, казалось, пронзила молния. Она пригубила бутылку, скривилась, как от зубной боли, и вернула недопитое Акире. Тот, не церемонясь, допил остатки залпом.

В тот же миг из резной шкатулки выпорхнул маленький конверт, запечатанный сургучом с оттиском детской карусели. Шкатулка ближе всего стояла к Рэйке, и она, повинувшись, подхватила конверт, сломала печать и извлекла письмо. Плотная бумага в ее руках походила скорее на тонкий картон для акварели. Внутри письмо пестрело идеальными иероглифами.

«Правила игры: выбрать одного игрока, сыгравшего на биве. Игрок должен провести шесть ночей, играя музыку для гостей. Один игровой день длится полчаса, ночь – час. Побеждают игроки, сумевшие пережить шесть ночей».

Рэйка вскинула голову, ища взгляд Хидео. Тот, нависнув над письмом, вновь и вновь вчитывался в строгие строки правил. Для него, как и для остальных, они оставались туманом. Но в этой реальности, в каждой оставленной «дыре», мерцала искра надежды – свобода маневра, лазейка для дерзкой игры.

— Слишком странное правило, — хмыкнул Тиба. — Что делают остальные пять игроков?

Противоположная дверь распахнулась. Акира, бросив пустую бутылку на стол, первым нырнул в проем, словно в пасть чудовища. За ним должна была последовать Есико, но она застыла в шаге от порога, медленно разворачиваясь к остальным.

— Мы, — голос ее дрогнул, и с опущенной головой она казалась ребенком, потерявшимся в лабиринте торгового центра. Тонкие пальцы судорожно мяли ткань платья, превращая шелк в жалкие складки. Рэйка закусил губу – затянувшееся молчание обжигало невысказанным страхом, просачивалось в самую душу. В эти секунды перед ней развернулся жуткий калейдоскоп: оторванные конечности, багровые лужи, мертвые тела, и она сама: безжизненная, холодная, пустая. — Мы ведь все выживем?

— Мы постараемся, — Хидео не спеша снял с плеча рюкзак, аккуратно поставив его на стол. Выпрямившись, он поправил очки и обвел взглядом каждого: Рэйку, Есико, Тибу и даже болезненного юношу не обделил своей короткой секундой внимания. — Шанс выжить есть всегда.

Есико слабо кивнула. Слова Хидео не воспламенили сердца, но вселили в нее крохотную искру веры: она такой же человек, как и он, разделявший их общий страх.

Хидео, не медля ни секунды, шагнул в распахнутую дверь вслед за Есико, и Рэйка вошла следом.

Глава 6. Шепот ветра в бамбуковой роще, где бродят духи павших воинов.

Она оказалась в просторном дворе на свежем воздухе. Сквозь утренний туман девушка смогла разглядеть огромные камни, покрытые мхом, выложенные из камней дорожку. Слева оказался пруд с кристально водой, отложенный гладким камнями, тянувшийся тугой до стены другой постройки, спрятанной за бамбуковой стеной. Слева находился одноэтажный дом с покатой двухскатной небесно-голубой крышей. Наружные стены дома, окрашенные в бежевый, напоминали Рэйке морской песок, и ко входу в дом вел красный мост, построенный через пруд.

Услышав тихий хруст позади, Рэйка обернулась. За ней стоял Тиба со скрещенными руками и другой незнакомец. Тиба с опаской посмотрел на дом, в окнах которого резко вспыхнул свет.

— Наверное, нам туда, — Тиба вытащил из кармана расшитый платок и вытер пот с лица.

Рэйка вытянула шею, стараясь посмотреть на болезненного парня за Тибой. Все еще находясь в капюшоне, он оглядывался по сторонам, оттягивая карманы толстовки. Что-то в нем было не так — на лице темные синяки, сухая кожа и

мелкие морщинки вокруг рта и глаз.

— Да, — девушка кивнула головой, продолжая смотреть на парня. — Нам определено туда.

Развернувшись, Рэйка ускорила шаг, стараясь отойти от незнакомцев как можно дальше.

Седзи были открыты настежь и, кроме чабудая, стоявшего в центре, девушка могла разглядеть комнату. Внутри уже находилось трое, но они заинтересовали Рэйку меньше, чем разная шкатулка с каруселью, черная лента из плотной ткани и бива.

— Нам объяснили не все правила? — Рэйка обернулась на Хидео с надеждой, что тот уже все узнал за ту минуту, как зашел в комнату, но он был занят изучением стен. Он осматривал их, ощупывал, старался открыть другие седзи, но в какой-то момент сдался и сделал шаг назад.

Есико, стоя во главе чабудая, обняла себя за плечи, с ужасом смотря на биву и ленту.

— Девять часов, — произнес Акира, садясь на пол. — Нам предстоит быть здесь не меньше девяти часов.

Есико резко развернула голову в его сторону и уже раскрыла рот для вопроса, но Хидео ее опередил:

— Шесть ночей, — напомнил он, поправляя очки. — Каждая ночь по часу, день — полчаса. Вот и выходит, — он вздохнул, — девять часов.

Есико громко застонала, схватившись за живот. Она не ела с самого утра, и на игру пришла только ради полутора

тысячи монет для чашки риса.

— Когда будет начало игры? — прошептала Рэйка, смотря на шкатулку. — Если уже «день», то нам следует найти того, кто может играть на музыкальном инструменте.

На пятках она развернулась лицом в комнату — Есико так и осталась стоять в углу, таращась на Тибу.

— Мне кажется, необязательно играть именно на биве, — ответил он. Все же хотел вселить в девушку хоть каплю уверенности. — Гитара, пипа, дутар, сямисэн. Наверное, сойдет любой.

— Мне тоже так кажется, — добавил Хидео. — В правилах ничего не было сказано об умении играть. Нужно всего лишь продержаться шесть ночей, и играть музыку для гостей. Хотя, — он замолчал и подошел к столу. Едва касаясь, он провел пальцами по струнам и замер у грифа. — Может кто-то знает легенды, где мелькает бива?

Наконец, Хидео развернулся к остальным, смотря на их бледные лица. При солнечном утреннем свете и легком тумане они выглядели призраками, растворяясь на фоне двора.

Рэйка закусила губу. Она не могла вспомнить ни одну легенду, так как в детстве проводила время за изучением старинных книг, картин и ядов. Выжидая, когда кто-то вскрикнет, хлопнет в ладоши и скажет: «Я знаю! Я знаю!», девушка принялась нервно чесать руки.

— Простите, — прошептала Есико, еле сдерживая слезы.

Вот он – первый удар в сердце, заставляющий Рэйку замереть. Первый удар, заставляющий поверить, что все снова идет не так. — Я училась в Америке.

Минус один. В ее команде теперь надежда на четверых.

— Да, — протянул Хидео, — я переехал из Австралии в Токио четыре года назад.

Минус два. Рэйка выдохнула. У них еще осталось время, чтобы что-нибудь придумать, предпринять, выбрать стратегию. Вопрос только: сколько его осталось?

Она снова окинула взглядом измученные лица. Напряжение висело. Каждый ждал какие-то слова, решения, план в конце концов. В голове лихорадочно мелькали варианты и ни один не казался достаточно точным, достаточно надежным. Рэйка прокручивала каждый из них, но всегда решение было одно – конец для всех. Бездействовать нельзя. Бездействие было равносильно смерти.

Рэйка закрыла глаза. Она переворачивала в голове все знакомые легенды: про пауков, соевые бобы, котов, фонари, но нигде не мелькал музыкальный инструмент.

— Бэндзайтен, — тихо прошептал Тиба. — Одна из семи богов счастья, — внезапно он прикрикнул и в безумии схватился за голову, меря шагами комнату. — Точно! У нас будет только шесть ночей – по ночи для каждого из богов. Нам, как шестой богини, нужно развеселить этих гостей.

Открыв глаза, Рэйка почувствовала, как внутри что-то изменилось. Страх отступил, напряжение в воздухе сменилось

на радостный визг Есико. Девушка подбежала к Тибе и крепко обняла его.

— Точно! — крикнула она, снова обнимая его.

Рэйка посмотрела на Хидео — только он мог знать ответ. Она была в этом уверена, но тот лишь закусил губу и уставился взглядом на татами.

— Но, что делать остальным?

Тиба высказал уже свою мысль — с него уже хватит.

— Защищать «Бэндзайтен»? — предположил Хидео. — Иначе, зачем мы здесь нужны?

— Тогда, «Бэндзайтен» в самом выгодном положении, — добавила Рэйка. — Предположу, что игрок будет с завязанными глазами играть на биве, тогда остальные должны защитить его. Но, от кого?

— Не думаю, что это важно, — Хидео обернулся на биву. — «Бэндзайтен» должен стать слабый игрок. Нам всего лишь нужно пережить первую ночь, чтобы до конца понять нюансы правил. «Днем» у нас есть время пересмотреть стратегию.

Закончив, Хидео уставился на Рэйку. Только вблизи она заметила, как веснушка у виска сильно напоминало сердце.

Тишину нарушало лишь тихое сопение Акиры, уставившегося на Есико. Рэйка чувствовала, что должна отвести взгляд от Хидео, но что-то в его взгляде и утонченном лице настораживало. Хидео едва качнул головой, словно ожидал какого-то решения как можно скорее, и Рэйка поняла — он давал право выбрать кому стать Бэnten.

Рэйка развернулась и посмотрела на стол. Девушка смутно помнил легенды, но знала всех богов счастья по именам: Эбису, Дайкоку, Бисямонтэн, Бэндзайтэн, Фукурокудзю, Хотэй и Дзюродзин. Помнила, как рассматривала маленькие глиняные статуэтки в квартире госпожи Мицусавы, но не помнила никакой повязки. Точнее – ее там не было.

Это была не та легенда. Тиба ошибся, он неправильно толковал лежащую биву. Все облегчение в воздухе было ложным.

Она посмотрела на Есико. Всмотрелась в ее облегченный и спокойный взгляд, и не хотела его менять. Она заметила, как та продолжала мять ткань платья, но Рэйка не хотела проигрывать. *Она не хотела умирать.* Зная, что это легенда ложная и все пойдет поперек сказанного, она улыбнулась и тихо сказала:

— Уступаю тебе место.

Сдавленно выдохнув, Есико осела на корточки, судорожно хватаясь за грудь. Рэйка готова поклясться, что девушку удерживает от истеричного вопля лишь боязнь испортить безупречный макияж. Да и сама Рэйка позволила себе выдохнуть свободно – теперь она была частью потенциальных победителей. Если выбор будет стоять между ними и Бэндзайтэн, то вряд ли выберут жизнь Есико.

Хидео не обронил ни слова: ни одобрительного, ни осуждающего. Он вновь повернулся к столу и задумчиво провел пальцами по резному краю шкатулки. Но внимание Рэйки

привлек все тот же незнакомец. Скрывая ладони в широких рукавах толстовки, он неотрывно следил за бивой. Всю беседу он молчаливо застыл у выхода в сад, но с каждой секундой неумолимо приближался к столу.

— И, что нам делать? — Тиба зачем-то посмотрел на Акиру, но тот лишь лениво пожал плечами. — Какой план дальше? — Не отыскав поддержки в Акире, он переключил внимание на Хидео, и Рэйке показалось, что это сексистский взгляд на мир — он не спрашивал ни у Рэйки, ни у Есико, постоянно крутившейся около него.

Тишина повисла в воздухе: тяжелая и гнетущая. Дальнейшее обсуждение плана казалось бессмысленным — новые вводные отсутствовали, зацепиться было не за что. Но Тиббу это не останавливало. Одержимый, он метнулся к столу, и принялся маниакально изучать каждый предмет, то поднимая его, то с разочарованием отбрасывая обратно. Хидео, первый приблизившийся к столу, инстинктивно отпрянул на два шага, решив не нарушать лихорадочное сосредоточение Тибы.

— Что-то должно быть, — мямлил он, продолжая по третьему кругу поднимать предметы. — Должна быть какая-нибудь деталь.

— А что думаешь ты? — голос, хриплый и спокойный, доносился с левой стены. Рэйка оглянулась на Акиру, и тот пристально смотрел в ответ. Вопрос адресован ей.

Но Рэйка молчала. Да и что она могла сказать? В голо-

ве царила выжженная пустошь, не омраченная ни единой мыслью. Лишь одно желание пульсировало, как раскаленный уголек: чтобы этот кошмар закончился быстро.

Тем временем, пока Тиба яростно тряс шкатулку, Хидео приблизился к седзи, затянувшим противоположную стену. Как он ни старался, бумажные створки не поддавались. Он толкнул одну из них с отчаянной силой, но та осталась не подвижной. Попробовал другую – тот же непреклонный результат.

— Может, седзи открываются как-то иначе? — прошептала Есико, снова сжимая платье.

Хидео едва заметно повернулся, услышав сдавленный всхлип, похожий на плач. Теперь его взгляд, точно рентген, проникал вглубь рамы, а пальцы, чуткие и настороженные, исследовали каждый миллиметр дерева в отчаянной надежде найти потайной механизм.

Шкатулка вдруг взвизгнула, и из ее пасти вылетело письмо в уже знакомом зеленоватом конверте. Тиба, осторожно поставив шкатулку на место, замер, уставившись на остальных. Он держал письмо кончиками пальцев, как что-то опасное и ядовитое. Даже обычно невозмутимый Акира сорвался с места, почти вплотную прижавшись к Рэйке.

— Читай, — скомандовал он, вытягивая голову, чтобы увидеть иероглифы.

Сглотнув, Тиба зачитал:

«Выбранный игрок должен надеть повязку на глаза и от-

правиться за пределы дома, взяв биву. Остальные игроки не должны покидать дом до окончания ночи. Игра начнется тогда, когда выбранный игрок перешагнет порог дома».

Дочитав письмо, Тиба бессильно опустил руки и встретился взглядом с Есико. Не успела она опомниться, как ее пронзил отчаянный крик – тот самый незнакомец метнулся к столу, выхватил и повязку, и биву, и, с яростным рывком, рванул к двери. Тиба и Хидео бросились в погоню, но успели лишь зацепить слетевший капюшон кончиками пальцев. Седзи с оглушительным хлопком закрылись, отрезая беглеца от остальных.

В тишине раздался надрывный плач Есико. Она присела на циновку и зарыдала с такой силой и внезапностью, что Рэйке, стоявшей рядом, пришлось зажать уши.

— Что же нам теперь делать? — прошептал Тиба, смотря на закрытую седзи.

— Джуничи, — улыбаясь, прошептал Акира, а затем громко добавил: — А что нам делать? Есть у кого-нибудь сигареты?

Джуничи...

Знакомое имя с треском отразилось в ушах. Она слышала это имя ранее, еще прошлым вечером, когда встретила людей у аптеки – друзей Акиры. Тогда она не смогла разглядеть его, но сейчас пазл сложился.

Фыркнув, Рэйка бросила мимолетный, полный презрения взгляд на парня. Вчера ночью он не казался законченным

идиотом. Или это была часть их тщательно продуманного плана? Зачем им двоим разыгрывать этот фарс с враждующими командами? Если же предательство – реальность, то взгляд Акиры не выдавал ни обиды, ни горечи. Что-то не сходилось.

— Не объяснишь поведение своего друга? — Рэйка склонила голову, требуя ответов. Ей не меньше хотелось об этом узнать, хотя бы для того, чтобы успокоить Есико. Или для того, чтобы понять – какой человек Акира.

— Золотко, если мы живем в одном доме и делим еду – это еще не значит, что мы друзья. Даже ты мне больше друг, чем он, — Акира устало подтянулся.

— Так значит вы друзья? — Тиба медленно развернулся и, увидев улыбку на лице парня, тут же кинулся в его сторону. — Вы уже играли в игры, правильно?

Тиба встал на носочки с нелепой серьезностью пытаюсь казаться выше или просто поймать взгляд Акиры. Тщетная попытка: Акира возвышался над ним почти на полторы головы, и даже эта детская уловка делала парня лишь комичнее. Словно карикатура, сошедшая со страниц старого журнала. Он даже вздернул плечи, пытаясь казаться крупнее, сильнее, но Акира только расхохотался, и звук этот раскатился эхом по комнате, пока он обходил стол, отделявший их.

— Драка не решит проблему, — Хидео проследил взглядом за Акирой, который сел в противоположном углу комнаты. — Сейчас придумать мы ничего не можем. Нужно ждать

того парня.

— Джуничи, — пояснила Рэйка. — Того парня зовут Джуничи.

Хотя имя ничего не говорило остальным, она жаждала, чтобы его запомнили. Для спокойствия. Словно в глубине души таился страх однажды стать лишь «тем парнем», безликой тенью в чужой памяти.

Она приблизилась к плотно закрытой седзи и опустилась на пол, сомкнув веки. Оставалось лишь ждать — мучительный долгий час. Есико и Тиба, приглушенно переговариваясь, жались в углу. В противоположном углу Акира, скрупулезно выковыривая грязь из-под ногтей, казался воплощением хладнокровия. Дальше, Хидео, закрыв глаза, беззвучно шептал что-то, его губы едва заметно шевелились в бессвязном бормотании. Последней была Рэйка. В минуты отчаяния, ища спасения в забытии, она погружалась в пучину воспоминаний, перебирая обрывки мыслей. Сначала мечты об отпуске всплыли в ее сознании. Как прекрасно было бы сейчас плескаться в теплых волнах океана, потягивать водку со льдом в шумном баре, а не томиться на полу проклятого дома в этом чужом, непонятном мире.

Затем мысли обратились к дому. Из-за этой проклятой игры она так и не успела обследовать город. В доме госпожи Мицусавы, да будет она проклята, все квартиры оказались безжизненно пусты. Но в магазинах еще можно было найти мебель, хотя съестных припасов она не нашла.

— Хидео, — прошептала Рэйка, поворачивая голову в его сторону. Тот открыл глаза и лениво уставился на девушку.
— Почему в магазинах нет еды?

Ответ заставил себя немного подождать — Хидео и сам не знал точного ответа.

— Никакой техники нет: ни холодильников, ни морозильных камер. Если еда и сохранилась, то скорее всего испортилась.

— А что касается труб? Вода и газ не могли просто так исчезнуть.

— Ты гуляла по городу?

— Не могла не заметить.

— Я тоже обратил на это внимание. Словно они и не нужны. Ну, знаешь, — он развернул корпус и теперь сидел лицом к Рэйке. — Пустые коробки. Оболочка. В машинах ведь тоже нет двигателей. Я проверял поезда, метро, парки развлечений — всегда лишь пустой короб, а внутри ни провода.

— Ну, а как же вода, — взывала Рэйка. — Я же девочка, мне жизненно необходима вода.

А вода ей действительно необходима, как воздух тонущему. Ощущая себя грязной, запущенной, с колтунами в волосах и иссушенной кожей, Рэйка теряла не просто лоск, а саму сердцевину: уверенность, стальную решимость, выверенное хладнокровие. *Рэйка теряла себя.* Стоило единственному волоску предательски выбиться из прически, ресницам слипнуться под тяжестью туши, как в хрупком сознании де-

вушки что-то надламывалось, давало трещину. Разве можно принимать взвешенные решения, когда тушь оставляла траурные дорожки на щеках, а одежда напоминала смирительную рубашку, а не элегантный костюм? В такие моменты ей действительно хотелось умереть.

— Есть озера, — хмыкнул Хидео. — Но мы покупаем воду. Ты уже знаешь о способе доставки предметов?

— Да, — угрюмо ответила она. — Все покупается за монеты, и забрать можно только в отмеченной на карте точке. Кстати, телефон не разряжается.

— Телефон, скорее не техника, а инструмент. Если его нужно было заряжать, то понадобились розетки, а потом электричество. С электричеством жить здесь стало бы проще, но, как видишь, — он пожал плечами.

Рэйка закрыла глаза, позволяя ускользящим воспоминаниям о теплом океане и звоне льда в стакане водки на миг затопить ее сознание. Хотелось забыться. Оставалось немного: избавиться от кайкэна, купить билеты в новую жизнь. Чемоданы уже подпирали стены ее прихожей. Но теперь... Теперь бежать было незачем. Этот мир вымер: ни людей, ни полиции, ни даже тех, кто ее знал. Полная свобода.

Но, что, если в этом мире есть люди, хуже, чем она? Что, если здесь правят убийцы, насильники, каннибалы, ликующие от осознания безнаказанности? Что вообще такое «полная свобода» — хаос или благодать?

В тишине прорезался звук, тонкий и печальный — тихая

песнь бивы. Рэйка медленно подползла к седзи, прильнув ухом к хрупкой бумаге. Музыка действительно доносилась с улицы, но была едва слышна, слишком тиха, чтобы звучать во дворе. Значит, ворота в дальнем конце сада распахнулись, и Джуничи там — где-то в новой локации.

— Тише! — крикнула она, прижимаясь ухом к седзи. — Музыка!

Пятеро мигом замерли, прильнув к седзи. Тиба, опасаясь нарушить тишину, даже закрыл ладонью рот Есико. Музыка лилась ровно и чисто — Джуничи играл безупречно, каждая нота занимала свое место в совершенной гармонии, не допуская ни единой фальши, ни единого излишества.

— Он умеет играть на биве? — Хидео посмотрел на Акиру.

— Конечно. Он ведь чемпион, — и тут же фыркнул, поднимаясь с колен. — Мне-то откуда знать: умеет он играть или нет?

— Это значит, что у нас есть шанс выжить? — радостно воскликнула Есико и, хлопнув в ладоши, повисла на шее Тибы.

Рэйка криво улыбнулась. «Интересная стратегия, Есико, — подумала она, — привлечь внимание лишь одного». Акира скользил взглядом мимо, Хидео уже дважды ее проигнорировал. А Тиба метался тенью, пытаясь оградить от опасности, выдумывал утешения, даже уводил на приватные беседы. Если что-то посмел бы тронуть Есико, Тиба бросится

на защиту, как преданный самурай. По ее логике, этот самурай должен обеспечить ей выживание. Рэйка же видела ситуацию иначе: Тиба — слабый игрок. Перед лицом гибели он, как и любой из них, выберет себя.

— Ребят, — пропел Тиба, который первым оторвался от сиди. — Ребят, посмотрите.

Рэйка посмотрела на парня — тот, расширив глаза, указывал куда-то вперед. Проследив за дрожащей рукой, она увидела стол, который еще недавно пустовал. Сейчас же в самом центре красовалась шкатулка, а вокруг расположились керамические блюда, ломившиеся от снежно-белого риса, румяного жаренного мяса, аппетитных гедза, глянцевого унаги, сочного якитори и соблазнительных шариков такояки. Рядом возвышались два расписных кувшина: один, наполненный чистой водой, другой — обжигающей рисовой водкой. От всего пиршества поднимался к потолку густой, дразнящий пар.

Сладковатый дурман, напоенный аппетитными ароматами, ударил в ноздри Есико, и она невольно схватилась за живот.

За ней, как нитка за иголкой, последовали остальные. Рэйка оказалась среди последних, кто стоял, замороженный, перед пятой тарелкой с рисом. В окружении пестрого изобилия он казался соблазнительным, но никто не решался коснуться еды деревянными палочками. Все, словно загипнотизированные, уставились перед собой. От этого голова Рэйки

закружилась, и перед глазами встал рис у старика в минка, кишащий личинками. Стоит ли доверять хоть чему-то в этой игре?

Есико, нарушив молчание, судорожно схватила палочки и вцепилась ими в кусок жаренной курицы, торопливо отправляя его в рот.

— Подожди, — крикнул Хидео, выставя руку вперед. — Еда может быть отравлена.

— Не умирать же нам с голода, — Акира фыркнул, как взбешенный зверь. Он возвышался над столом, словно лев, охраняющий свой прайд, и прожигал Хидео взглядом, полным неприкрытой, почти безумной ярости. Хидео, вопреки всему, выдержал этот звериный натиск. В его глазах отразился твердый, непримиримый огонь, подмеченный Рэйкой — он не из тех, кто пасует перед давлением. Этот неожиданный вызов, брошенный в ответ, похоже, обезоружил Акиру. Тот лишь усмехнулся, отвел взгляд и, лукаво подмигнув Есико, схватил стоящий на столе кувшин с саке: — Если я умру от вина, то буду только счастлив.

Несколько мгновений он покрутил кувшин в руках, взвешивая в уме слова Хидео, но гордость, неукротимое желание доказать свою силу взяли верх. Широко улыбнувшись, он подмигнул Рэйке и припал к кувшину, жадно глотая. Капля сорвалась с подбородка, скользнула по шее и исчезла под мягкой тканью майки. Тиба жадно следил за этим движением. Его взгляд, неотрывно прикованный к пьющему, выда-

вал неутолимую жажду — он сам пытался ощутить на языке вкус алкоголя.

Осушив кувшин почти на половину, Акира с грохотом поставил его на стол, вытер лицо и, отступив на два шага, раскинул руки, словно распятый, вздернув подбородок к потолку.

Напряженное молчание повисло в комнате. Все замерли в ожидании предсказанной трагедии: вот он схватится за горло, захлебываясь кровью, а затем корчится в предсмертных судорогах... Но ни после трех громких вздохов Есико, ни после четырех мыслей Рэйки о том, что Акира уже мертв, ничего не произошло. Он лишь застыл в своей вызывающей позе. И затем, медленно опустив голову и руки, вновь бросил испепеляющий взгляд на Хидео.

— Ну, умник, я вроде не умер, — он взял миску риса, положив в нее пару кусочков жареной курицы и три шарика таюки.

Рэйка кожей ощущала, как рвался наружу ответ Хидео, но губы тот оставались запечатаны. Он, пригвожденный, молча взирал на тарелки перед собой, исполненный какой-то обреченной скорби. Ни единой искры самозащиты, ни тени протеста. Казалось, вся его жизненная сила уходила на сдерживание неведомой бури, и это зрелище болезненно царапало душу девушки. Ей хотелось схватить кувшин и разбить его о голову Акиры. На голову того, кто еще вчера смаковал горечь убийства. Но вместо этого девушка, собрав остатки са-

мообладания, произнесла:

— Мы все об этом жалеем, Акира.

Ее слова утонули в жадном причмокивании Есико. Она вцепилась в миску с рисом и заталкивала в рот все подряд, будто едва вот-вот испариться. Тиба не сразу присоединился к пиршеству – взгляд его все еще цеплялся за Рэйку и Хидео, ища ответа на невысказанный вопрос. Лишь спустя мгновение он решился взять палочку якитори.

Рэйка окаменела. Сама мысль о еде казалась неправильной, когда Джуничи там, за дверью, рисковал жизнью. Где-то точно должен быть подвох. Что они упустили? К тому же воспоминания о первом ужине со стариком в жуткой игре преследовали ее – стоило взглянуть на рис, перед глазами снова всплывали мерзкие личинки.

— Пока не ешь ничего, — прошептал Хидео, разворачиваясь от стола. — Мы еще не знаем, как все это может нам выйти боком.

Кивнув, Рэйка вернулась в свой угол, где еще недавно томилась в ожидании. Долгое время она с нескрываемым отвращением наблюдала за Есико. Та набрасывалась на еду, не разбирая, что перед ней. Вырвала из рук Тибы последний кусок жаренной курицы и лишь одарила виноватой улыбкой, ничуть не смутившись.

Рэйка пыталась бежать от этой картины, отвлечься: отбивала бешеный ритм ногтем по шершавому татами, считала секунды, но тоска прокралась в душу, когда она досчитала

до тысячи. Затем пристально смотрела в макушку задремавшего Акиры, безмолвно моля, чтобы под тяжестью ее взгляда череп раскололся на мириады острых осколков.

Хидео все это время неподвижно держал в руках серебряную цепочку с крестом. Он изучал сложное плетение металла, перекатывал его между пальцами, как перебирают четки, и время от времени поднимал руку на уровень глаз, вновь и вновь вглядываясь на страдальческое лицо распятого человека. Эти нервные движения выдавали тревогу, и все они приносили толику утешения, рождали в голове нужные мысли и помогали собрать волю в кулак.

Вдруг седзи с тихим скрипом распахнулись, и на пороге возник Джуничи. В левой руке он держал биву, а в правой — траурную черную ленту.

Глава 7. Кимоно без хозяина, лежащее на татами, хранит молчаливое свидетельство о трагедии.

На первый взгляд, он казался невредимым: ни царапины, ни кровоподтека, ни тени ужаса в глазах. Мир вокруг застыл в оцепенении – никто не мог сказать и слова, видя, как Джуничи, отбросив все вещи, метнулся к полупустым тарелкам. Он рвал куски, жадно запихивая их в рот – соус и крошки усыпали его лицо.

Тиба поморщился. Он подлетел к парню и, грубо схватив за грудки толстовки, повалил его на татами.

— Ты, урод! У нас был план!

Тиба орал во все горло, багровея от ярости. Плевков сорвался с его губ и обжег щеку Джуничи. Взмах руки – нелепый и жалкий – пришелся в скулу и походил на ласковое поглаживание. Джуничи лишь поморщился.

— Рассказывай, что ты там увидел.

Джуничи резко развернулся – Рэйка, проследив за его взглядом, тоже посмотрела на сад. Какое-то мгновение назад, когда парень только вошел, небо омывалось нежной розовой акварелью рассвета. Теперь же, безжалостно, его за-

полнила лазурная пустота. Девушке словно плеснули в лицо осознанием — время заканчивалось. Их получасовой «день» отражался и на небе, и стоило ориентироваться на него.

— Думаю, никто из нас не выиграет, — признался он, снова поворачиваясь к столу. — Я просто играл на биве, и все.

— И все? — переспросил Тиба.

— Да. Я слышал голоса. Они предлагали мне сыграть, — и тут же он резко замолчал, медленно опуская чашку с рисом.

— И что? Что дальше?

— Меня попросили никому ничего не рассказывать.

Ярость Тибы обжигала воздух. Пальцы его судорожно подергивались. Он застыл на грани, не решаясь броситься в атаку, скованный страхом. Боялся ли он свирепого взгляда Акиры, или же его удерживала зловещая аура Джуничи? В прошлый раз Джуничи был застигнут врасплох, но сейчас в его глазах плясали искры готовности, обещая отпор.

— Значит, ты просто играл, — грустно произнесла Есико, опуская голову.

— Вы ведь тоже здесь прохлаждались, — бросил Джуничи. — Мы выиграем эту игру.

Нет, где-то должен быть намек. Должно быть что-то, что они все упускали.

— Сколько было голосов? — Рэйка сделала несколько шагов и оказалась за его спиной. — Это не самое важное, что ты можешь сказать.

— Не знаю. Кажется с десятков.

Напряжение скрутило Рэйку. Вот она, главная заноза легенды Тибы: семь богов счастья. Кто-то еще должен был усомниться в легенде, поэтому девушка предпочла умолчать свою догадку, но внутри боялась, что кто-то сделал так же.

Пока голос Тибы продолжал терзать тишину вопросами, Рэйка посмотрела на выход. Багровые языки рассвета лизнули горизонт. Она отчаянно гнала от себя мысли о грядущей «ночи», о ролях, которые им уготованы, но всплывал единственный вопрос: могли ли существовать игры, не требующие участия других игроков?

Инстинктивно ища спасения, Рэйка взглянула на Акиру, надеясь хоть немного впитать его невозмутимость. Но Акира смотрел в ответ – на лице появилось выражение злодея, замышляющего переворот.

— Ты догадался, — шепнула она, стараясь сделать это так тихо, чтобы никто из присутствующих не заметил. Ей не хотелось вновь стать свидетелем истерики Есико.

В ответ Акира прислонил указательный палец к губам. Он действительно обо всем догадался. Он знал ответ! Знал легенду!

Рэйка бросила косой взгляд на Хидео. В этом новом, жестоком мире выживали, цепляясь за тех, кто мог уберечь, и сейчас таким щитом для нее стал Акира. Хидео же в его глазах был врагом. Эта неприязнь сочилась сквозь маску равнодушия, будто Акира ненавидел всех, кто хоть чем-то отличался от него. Наверное, такова цена победы. Но тогда кем

был тот одинокий путник, что коротал время на обочине, отсчитывая мгновения до конца тлеющей сигареты?

Остаток времени прошел в тягостной тишине. Тиба спешно подошел к Есико, шепча наставления: играть как можно спокойнее, молчать и ни в коем случае не издавать ни звука, все еще пытаюсь вывернуть игру, чтобы Бэnten стала именно она. Джуничи же, примостившись рядом с Акирой, отчаянно пытался что-то рассказать, но лишь беспомощно открывал и закрывал рот, явно вспомнив о данной клятве молчания. Тишину разорвала музыка. Знакомый конверт вылетел из шкатулки и приземлился на стол.

Тиба, как ужаленный, метнулся к нему и, не церемонясь, разорвал конверт, извлекая оттуда белоснежный лист бумаги.

«Правила игры: выбранный человек не может быть заменен другим. Остальные игроки так же не должны покидать комнату».

Он посмотрел на Есико траурным взглядом. Она, громко шмыгнув, бросила на татами подобранную ранее биву и ленту, и убежала плакать в единственный свободный угол.

— Идиот, — процедил Тиба, сжимая кулаки. — Из-за тебя все идет наперекосяк.

Страх сковывал Джуничи, не позволяя поднять руку, — страх уже отступал, уступая место осознанию своей силы, возможности дать отпор. Ухмылка тронула его губы, змеиной насмешкой скользнув по лицу. Он поднялся с татами,

подхватил биву, и, не обмолвившись ни словом, вышел в сумеречный двор. Небо затягивалось густой синевой, предвещающая скорую «ночь».

Жалобные стоны Есико действовали на Рэйку усыпляюще, словно тихая колыбель. Она отчаянно боролась со сном, веки отяжелели, и голова бессильно падала на грудь. Зная, что Хидео непременно поднимет ее при малейшей опасности, девушка ненадолго позволила себе забыться. Мрак поглотил ее сознание, и в этот момент грубый толчок обрушил ее на татами.

Первое, что она увидела, — Тиба и Акира яростно схватились друг с другом. Хидео, до того так же дремлющий в тишине, не спешил разнимать дерущихся. Напротив, отполз к стене, наблюдая за разворачивающимся побоищем с хищным огоньком в глазах. Есико, сжавшись в комок, сидела на татами, прижимая колени к груди. Неразборчивые крики срывались с ее губ, теряясь в хриплом рыке Акиры, как жалкий писк воробушка в буре. Она закрывала рот руками, пытаясь унять дрожь и страх.

— Тебе мало? — Акира ударил Тибу кулаком по скуле и отпрыгнул назад, чтобы посмотреть на последствие удара со стороны.

Тиба держался за щеку и злобно смотрел в ответ — кровь, идущая с носа, была размазана по лицу.

— Что произошло? — Рэйка поднялась на ноги и постаралась встать между ними, но Акира то и дело оббегал ее,

чтобы толкнуть приходящего в себя парня. — Успокойся! — она толкнула Акиру в плечо и тот, покачиваясь, чуть не рухнул на скулящую Есико, но кое-как устоял на ногах.

Опьянение сквозило в каждом его движении. Акира не просто пошатывался — его тело било в лихорадке танца, а взгляд рылся в поисках жертвы.

— Из-за чего драка? — поняв, что ответа от Акиры не дожидаться, Рэйка повернулась к Тибе, но тот лишь виновно отступил назад.

Улыбка Акиры воспламенила ярость Тибы в мгновение. Звериный рык разорвал тишину, и Тиба бросился в атаку. Акира встретил его ударом ноги в грудь, обрушившим парня на хрупкие седи. Тонкая рисовая бумага поддалась, обнажив каменистую дорожку за стеной. Рэйка метнулась вперед, пытаясь схватить ускользающий край пиджака, но было поздно. Тиба рухнул вниз на каменистую дорожку.

Воцарилось молчание. Рэйка взглянула на Хидео, затем на Акиру и закончила Есико — ей ответили тем же. Тиба лежал неподвижно, с плотно сомкнутыми веками, застыл в бездыханном оцепенении.

— Сугавара-сенсей, Вы как? — прохрипела Есико. Ей было страшно произносить тихие звуки. Думала, стоит открыть рот, как проклятие «вылета за дом» окажется и на ней.

«Наивная дура», — подумала Рэйка, посмотрев на нее, но сразу поняла — она тоже боялась случайно оказаться на земле, а потому, предчувствуя беду, стала первой, кто слегка

отошел назад.

— Я еще жив? — прошептал Тиба, открывая глаза. — Да!
Я все еще жив!

Взрыв.

Тысячи мелких кусочком, размером с фалангу пальцев, разлетелись мгновенно. Кровь брызнула на несколько метров вокруг. От Тибы ни осталось ничего: только мелкие кусочки и кровь.

Кто-то закричал.

Рэйка моргнула.

Откуда-то сверху упал глаз.

Рэйка вздохнула. Глубоко и шумно.

Кто-то оттянул ее назад за плечо, и она грузно свалилась на татами.

Кто-то снова истошно закричал.

— Миура! Миура Рэйка!

Склонившаяся голова напоминало лицо Акиры, залитое кровью. Темные волосы слиплись багровыми нитями, капли крови монотонно стучали по татами, стекая по шее алеющей рекой и теряясь в тени между ключицами. Он тряс Рэйку, вцепившись в обеими руками в ее похолодевшее лицо и кричал ее имя так громко, что звенело в ушах.

— Что произошло? — Джуничи, замерев возле порога, широкими глазами смотрел на красное пятно на входе. Он крепче сжал биву, стараясь не выронить ее из рук и не испачкать.

— Сколько прошло времени? — В голове туман, мысли путались, собирались в один единый ком из фраз и рассыпались. Рэйка пыталась что-то вспомнить, но мысли путались, собирались в ком и рассыпались. — Сколько? Сколько времени?

На ватных ногах она поднялась с татами и подошла к столу. В небрежном порядке лежало четыре письма, а значит Джуничи приходил в дом еще два раза, но этого она не помнила.

— Еще две ночи, — отозвался Акира.

— Не может быть! — Рэйка откинула письма в сторону и развернулась к Джуничи. — Что там было? Что ты там видел? Мы не можем просто так здесь сидеть!

— Миура.

— Где смысл в легенде? Что мы должны делать?

— Рэйка.

Хидео коснулся плеча девушки, и та, скривившись, отбежала в сторону. Ее тошнило. Живот скрутило жгутом, колючей проволокой. Но позволить выйти всему наружу она не могла — перед входом лежало то, что осталось от Тибы, и осквернить его своими страданиями не могла. Но и выбежать на улицу тоже было страшно — девушка не хотела оказаться разорванной.

— Что-то не так, — Хидео нагнул голову к шкатулке и слегка провел по ней пальцами. — Мы же не можем сидеть все шесть ночей в доме.

— Это ты его убил, — с улицы донеслось мрачное, злобное шипение. Рэйка, застыв у входа, вытирала рукой рот. Она смотрела на Акиру так, как не посмел ни один из них: с яростью и вызовом. В ее голове бились, не желая сливаться, два несовместимых образа: Акира, наслаждающийся тишиной ночи, и Акира, собственноручно оборвавший жизнь человека. Произошедшее выбило Акиру из колеи — он выбросил свою мерзкую улыбку вместе с Тибой и протрезвел. А значит, должен ответить за содеянное. — За что ты убил его? Что он сделал, раз ты решил забрать у него жизнь?

Она встала практически вплотную. Вздернув голову, девушка всматривалась в бездонные и бездушные глаза. Акира, который был выше на полторы головы, стоял молча — он не мог подобрать слова.

— Я его не убивал.

— Мы все видели, как ты не дрался с ним. Как ты не вытолкнул его на улицу за пару несчастным секунд до рассвета. Наверное, ты и своих друзей не убивал.

«Друзей».

Акира и вовсе оцепенел — замер без возможности движения. Рэйка перекрыла ему все: кислород, свет, жизнь. Он пошатнулся, пару раз моргнул, чтобы прийти в себя, но так и остался закованным в онемение.

Раздался звук шкатулки. Безразлично письмо поднял Акира. Он пробежал глазами по иероглифам, смял лист и отбросил в сторону.

— Все то же самое.

Джуничи поднял биву и ленту, но на пороге замедлил — ему тоже не хотелось вступать на землю, пропитанную чужой кровью. В конце концов он спрыгнул с порога, и седзи захлопнулись.

— Я так больше не могу, — застонала Есико, падая на колени. Ее глаза можно было сравнить с монетой в сто йен: такие же огромные и круглые.

Рэйка не могла собрать осколки своего «я». В самых темных закоулках души еще теплилась робкая надежда: а вдруг это всего лишь зловещий спектакль? Музыкальные шкатулки, отсутствие электричества, жуткие легенды — тщательно выстроенная декорация, призванная сломить их. Напугать до безумия. Она отчаянно пыталась высмотреть в глазах остальных признаки притворства, выявить тех, кто на самом деле играл страх. Искала незаметные камеры, разглядывала фальшивые декорации, но тщетно. Тибя действительно существовал. Он стоял рядом, протягивал пластиковую бутылку водки перед началом игры, успокаивал Есико и ... взорвался. Разорвался на части, как переполненный воздушный шар. Лопнул, как яйцо, забытое в микроволновке.

Живот вновь сковывало от страха неизвестности. Они до сих пор не разгадали смысл игры, не узнали, что это за легенда.

Каждый из присутствующих вздрогнул от неожиданной музыки. Шкатулка вновь извергла из себя зловещее письмо.

Хидео встретился взглядом с Рэйкой, пытаясь сохранить подобие контроля над ситуацией. Он взял конверт, но не спешил вскрывать. Все чувствовали: стоит нарушить печать, и игра вступит в свою самую жестокую фазу. Поэтому Хидео искал поддержки в их глазах. Хотел найти: «Давай. Открывай, не бойся», но наткнулся на острые копыя; на раскаленную реку; на битое стекло. Он впервые придумал определение этому взгляду – *«мертвая тишина»*. Да, определенно Акира, Есико и даже Рэйка смотрели на него «мертвой тишиной».

Он сорвал печать. Открыл конверт. Беглый взгляд скользнул по строчкам, но смысл ускользал. Лишь после второго нетерпеливого: «Ну, что там?» от Акиры, он прочел написанное вновь. И еще раз. Прошептал текст одними губами, попробовал на вкус – горький. Разложил каждое слово на отдельные звуки, и только потом понял. Осознал.

«Правила игры: только один игрок может покинуть дом на одну ночь».

Хидео поднял глаза – они, наконец, получили шанс стать игроками. Но, один вопрос сменился другим – что делать дальше? Что будет после того, как этот игрок снова вернется в дом?

— И почему только один? — прошептала Есико. Голосок ее был слишком тихим, бесцветным, что затерялся в тишине.

— Кто пойдет? — так решил ответить Акира. Его онемение от потери уже начало отступать, и в глазах снова появил-

ся странный азартный огонек. Он подошел к столу, взял кувшин и допил остатки.

Хидео прислонился поясницей к столу – времени на раздумья почти не оставалось. Рэйка нуждалась в свежем воздухе. Ее выдержка, проявившаяся в первой игре, дала трещину, грозя рассыпаться на осколки. Есико ни в коем случае нельзя отправлять наружу. Она играла лишь третью игру и наверняка упустит что-то важное. Акира не выйдет за пределы комнаты даже под дулом пистолета. Он отыскал еще один кувшин с вином и не расстанется с ним до конца четвертой ночи. Оставался он сам.

С непривычной медлительностью парень подошел к седзи и распахнул их. Холодный воздух пах смертью. Если приглядеться, там, за порогом, она и таилась – невидимая, неосязаемая. Тиба уже коснулся ее, а Хидео только сейчас это осознал. Шаг за шагом, ступая по призрачным останкам бывшего участника игры, он представлял, как там, за покосившимся деревянным забором, его растерзают екаи или же сам Джуничи, вооружившись бивой, изобьет его до смерти. Но ничего не произошло. Там, где раньше тянулась изгородь из бамбука, зиял проход. Хидео обернулся: из дома на него глядели шесть встревоженных глаз. Никто не попрощался. Только Рэйка, по-детски, перекрестила его.

От прохода тянулась длинная дорожка, отмеченная четкими следами Джуничи. Хидео мог различить три ряда отпечатков, ведущих вперед, и лишь два – назад. Парень огля-

делся: его окружал густой, непроглядный лес. В клетчатой рубашке он станет легкой мишенью поэтому, сняв ее, он аккуратно бросил одежду у подножия ближайшего бамбука. В черной футболке, скользящей в полумраке, его шансы остаться незамеченным возросли.

Шаг за шагом он продвигался вперед, отодвигая цепкие ветви. Шелест опавших листьев под ногами звучали здесь, как набат, поэтому парень старался двигаться бесшумно, не отрывая подошву от земли. Отойдя от дома на приличное расстояние, Хидео уловил звуки бивы. Джуничи был где-то рядом. Пригнувшись, он крался сквозь чащу, стараясь не издать ни звука. Шаг за шагом. Секунда за секундой.

Парень остановился лишь тогда, когда заметил вдали мерцающий голубоватый свет. Подойдя ближе, он понял, что это были ониби – десятки блуждающих огоньков, окружавших сидящего на земле Джуничи. В призрачном свете его лицо казалось спокойным, а на глаза натянута черная лента. Он играл на биве с легкостью и непринужденностью, словно не расставался с инструментом с самого рождения.

Но больше всего Хидео поразили странные, иссохшие палки, окружавшие парня. Несмотря на безветренную погоду они покачивались в такт музыке. Некоторые камни, стоявшие поодаль, напоминали при этом освещении сталакти-ты, но стоило ониби приблизиться к одному из них, как Хидео понял: Джуничи играл на кладбище. Эта мысль пронзила его сознание, как удар молнии. Уродливые палки приоб-

рели очертания человеческих костей – вокруг Джуничи клубились ожившие мертвецы. Вот, в чем заключался истинный смысл игры: Джуничи нужно спасти. Шестая «ночь» должна стать для него последней.

От одного вида мертвых тел Хидео потянуло обратно в дом – туда, где было безопасно. Он сделал шаг назад.

Хруст.

Парень зажмурил глаза. Проклятая сухая ветка предательски затрещала под ногой, и этот звук наверняка привлёк внимание. Он боялся открыть глаза. Шепча про себя заученную молитву, он чувствовал, как десятки мертвых глаз сверлили его, изучали, сравнивали. Но музыка продолжалась, и вместе с ней – «мертвая тишина».

Хидео пересилил себя, открыл глаза и вздохнул – мертвецы были все еще заморожены музыкой. У него оставался шанс вернуться в дом и рассказать обо всем. Они: Акира и Рэйка – должны помочь составить план спасения, пожертвовав всего одной жертвой. Тиба был уже вычеркнут из списка. Оставалось только найти лазейку, чтобы не вычеркнуть еще одно имя.

Шаг за шагом он двинулся обратно к дому. Ему казалось, что каждый его шаг – похоронный звон, который неминуемо привлечет мертвецов. Или они уже крадутся, ожидая, когда он обернется? И Хидео не сдержался, обернулся. Он оборачивался каждый раз, когда мысль закрадывалась в голову, и каждый раз сталкивался с темнотой.

Добравшись до входа, парень поднял с земли рубашку и наспех накинул ее на плечи. Шесть встревоженных глаз все так же смотрели на него. Наверное, они так и не зашли в дом. Это успокаивало. В этом кошмаре хоть кто-то ждал его возвращения.

— Ну, что там? — прошептал Акира. Он меланхолично поднялся с татами и вернулся к столу, выискивая алкоголь уже в пустых кувшинах.

— Тиба был неправ. Это не легенда о Бэnten. Это что-то другое.

Его перебила музыка из шкатулки, выплюнув письмо. Все снова замолчали, и Хидео по-настоящему испугался, что и ему запретят рассказывать об увиденном.

К столу подбежала Рэйка. Она небрежно вытащила письмо и зачитала в слух:

«Правила игры: не рассказывать об увиденном выбранному игроку».

— Что это значит? — пропела Есико.

— То, что мы ничего не должны рассказывать Джуничи.

Акира, сложив руки на груди, застыл рядом с седзи, вдыхая воздух. Его слова практически утонули в прохладной темноте ночи, и лишь обрывки оказались в комнате.

Хидео тяжело дышал, но старался придать своему лицу выражение смирения и спокойствия. Все ожидали от него правды, и он, нехотя рассказал все медленно, в деталях. Есико на слове «мертвецы» вскрикнула и посмотрела на улицу,

явно выискивая в саду разложившиеся тела. Глаза Рэйки не моргали. Она смотрела на Хидео с неприкрытой надеждой, что в конце рассказа он добавит: «Но все будет хорошо», но парень уже закончил говорить несколько минут назад, и продолжил стоять в «мертвой тишине».

— Кажется, я поняла, — Рэйка решила испортить тишину и опустила голову. — Все сходится: музыкант, слепота и мертвецы. Это легенда про Миминаси-Хоити. Он исполнял сказ про битву Данноура.

— Тише, — зашипел Акира.

Рэйка обернулась на вход и заметила в саду Джуничи, снимавшего повязку с глаз. Пошатываясь, он зашел в комнату и тут же подошел к столу, бегая глазами по полупустым тарелкам. В конце концов он остановил свой выбор на рисе.

А в комнате возникла пустая тишина. Есико с опаской смотрела на остальных, пытаясь взглядом наказать всем молчать. Хидео же не отводил взгляда от Акиры — он не повернулся к Джуничи лицом, так и продолжив смотреть в сад.

— Чего вы такие тихие?

Рэйка прищурила глаза — парень ни разу не спросил про Тибу. Да, он был озадачен кровью на крыльце, но не спросил откуда она взялась. Его и так болезненная кожа теперь отдавала синевой, и девушка представила, как она переливалась под огнями ониби. Интересно, догадывался ли сам Джуничи о том, что происходило на самом деле?

— Пытаемся тебя, дурака, спасти.

— И как успехи?

И тут все, даже Акира, посмотрели на Рэйку, с тревогой. Никто не хотел, чтобы она нарушила правила и рассказала Джуничи о том, что видел Хидео. Но Рэйка молчала.

— Скажи, что-то изменилось ночью? Например, голоса, запахи или звуки?

На секунду Джуничи задумался, но тут же качнул головой. Для него, как и для них, нынешняя легенда была простой, но мучительной в своем однообразии. Он не знал, что будет дальше и как закончится игра, но вопрос: было ли ему не все равно — уже другой, и никто не знал ответа.

Остальное время они пробыли в полной тишине. Есико, хватаясь за волосы, совсем растрепала прическу, а от постоянного сминания платья, ткань превратилась в уродливые заломы. Она бродила от стены до стены, меря шагами татами, и старалась найти хоть что-то, что могло бы ее успокоить.

Рэйка же, сгрызая ногти, пыталась припомнить детали легенды. От Хидео ждать ответов не было смысла — он сам сказал, что прожил большую часть жизни в Австралии, а потому не был слишком знаком с японским фольклором. Акира не расскажет. Зная правду, он не пытался поделиться ею, но, когда Рэйка рассказывала легенду о слепом певце, он еда заметно кивнул. От Есико ждать помощи тоже не стоило — она могла помочь только в отсчете времени до начала ночи, так как каждый подход к восточной стене означал, что прошло тридцать секунд.

Музыка из шкатулки добавила напряжения. Джуничи, вытерев рукавом рот, зачитал письмо:

«Правила игры: игроки не могут покинуть дом до рассвета».

— Опять? — крикнула Есико. — Я уже так не могу. Это же пятая ночь.

Джуничи ничего не ответил. Он спокойно взял биву с лентой, и скрылся за дверями седзи.

— Итак, есть план? — Хидео дождался, когда седзи полностью закроются, чтобы выслушать предложения остальных, но надежду он возлагал на слова Рэйки.

— В последнюю ночь мертвецы захотят оставить Джуничи, поэтому, они должны убить его. Кажется, настоятель храма в легенде исписал его тело сутрами. Точно! Он забыл нанести краску на уши, а потому екаи оторвали их, так как сутры их не скрывали.

— Подожди, — Есико сделала шаг вперед. — Но, как нам предугадать правила игры? Может, нам и не следует спасать Джуничи? Может, выбраться отсюда мы сможем только после его смерти?

— Не думаю, — Хидео поправил очки. — В легенде он остался жив? — и посмотрел на Рэйку. Та кивнула. — Нам нужно сделать все, чтобы он остался жив.

— А, если он умрет? — Есико не могла успокоиться и снова принялась сжимать ткань платья.

На этот вопрос у Хидео не было ответа. Он посмотрел на

Рэйку.

— Кто-нибудь знает сутры?

— Только молитвы, — ответил Хидео.

Рэйка осмотрела остальных в надежде, что кто-нибудь из них знает некоторые сутры наизусть, но в ответ послужила лишь тишина.

— Наверное, сойдет.

Хидео подошел к столу и поднял в руки несколько конвертов.

— И, чем же нам их нанести?

Рэйка огляделась по сторонам – следующий «день» был последним, и у них должно быть что-то, что могло спасти жизнь Джуничи за тридцать минут, но ничего подходящего не было: ни кистей, ни краски. Они не появились волшебным образом на столе, как еда и напитки. Был лишь кайкэн, спрятанный в кармане. Рэйка даже похлопала себя по брюкам – все на месте. Но, стоило ли доставать его? Стоило показывать остальным, ведь, мир за пределами легенды, был безоружным? Но, ответ Хидео был внушающим – главный герой легенды выжил, когда его тело было исписано сутрами. Сейчас же – выбор очевиден.

Она достала из кармана кайкэн, и первой реакцией послужил свист Акиры.

— Оружие в святом месте, — он хмыкнул. — Золотце, а ты хороша.

Девушка замерла, продолжая держать оружие в руке. Она

смотрела на Хидео, ожидая одобрения, но тот не решался взять на себя инициативу. Он все еще поглядывал на Акиру, явно догадавшись, что тот узнал обо всем ранее.

— Хорошо. Получается, нам нужно убедить Джуничи в необходимости вырезать на нем молитву.

— Подождите, но что делать, если в правилах будет запрещено рассказывать Джуничи о чем-либо.

— Вряд ли, — Рэйка протянула кайкэн, и Хидео без особой охоты взял его. — Нужно ведь действовать строго по легенде.

Она с надеждой посмотрела на Хидео — он должен все знать. Рэйка уверена, что он догадается, но все же решила посмотреть на самодовольного Акиру.

— Считаешь себя самым умным? — вырвалось у нее, хотя она так старалась не задавать этот вопрос при всех.

— Я и есть самый умный, — он почесал ладони, а затем спрятал их в карман брюк. Ему, стало быть, не по себе без никотина, а сигареты «волшебный стол» не предоставил. — Когда будете приводить план в действие, возьмите на заметку, что Джуничи может не адекватно отреагировать на парня с ножом, — Акира подмигнул Хидео. — Вы же заметили какой он.

— «Будете»? — перебила Рэйка. — Что значит «будете приводить»? Ты не собираешься участвовать?

Акира пожал плечами, стараясь выглядеть беззаботно.

— Есть кое-что важное, что требует моего внимания, —

уклончиво ответил он, избегая прямого взгляда. — Считай, что я направляю вас издалека. Мои глаза и уши будут с вами.

— И что это за «более важное», раз ты решил отсидеться в кустах?

Рэйка не собиралась отступить. Она не видела в Акире ни врага, ни союзника, но то, как он вел себя на играх, наводило на мысль, что он объявил войну всему пустующему Токио, и убить остальных людей в городе — его цель, жизненная цель. Словно он и хотел остаться один. Буквально.

Но стоял вопрос о жизни Рэйке. Сейчас она не хотела умирать, а Акира, догадавшись обо всем раннее, к этому подводил. Девушка хотела домой. Хотела в отпуск, пить маргариту с видом на океан. Хотела видеть людей в купальниках, хотела играть в волейбол на бархатном пляже, а не играть в игры на выживание. *Она хотела домой*, а Акира этому препятствовал.

Девушка сжала кулак — хотела успокоиться, перевести дух, но рука сама собой потянула тело. Рэйка редко дралась, но этот удар был самым сильным из всех. Акира, пошатнувшись, схватился за щеку и сделал несколько шагов назад.

— Хватит. Мы все сейчас на взводе, — Хидео схватил девушку за плечо, останавливая.

— Ты либо с нами, либо против нас, — Рэйка стряхнула руку Хидео, как надоевшую пыль, и развернулась к столу, чтобы перевести дыхание. — Лишь победители получают выигрыш. Нам будет на пользу, если ты умрешь, Акира,

поэтому, либо помогаешь, либо я убиваю тебя прямо сейчас.

От услышанного, Хидео спрятал кайкэн за спину, и выставил руку вперед, приговаривая: «Нам всем сейчас нужно успокоиться». Есико оставалась в углу комнаты и в ужасе переводила взгляд с Акиры на Рэйку. Она считала, что девушкам запрещено так себя вести, а потому боялась Рэйку с того момента, как она достала оружие. Узнав, что Акира догадался, как спастись из игры, она медленно подошла к нему и взяла его лицо в свои холодные, предназначенные только для любви, руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.